

Ричард МАККЕННА

Данил КОРЕЦКИЙ

Владимир ГУСЕВ

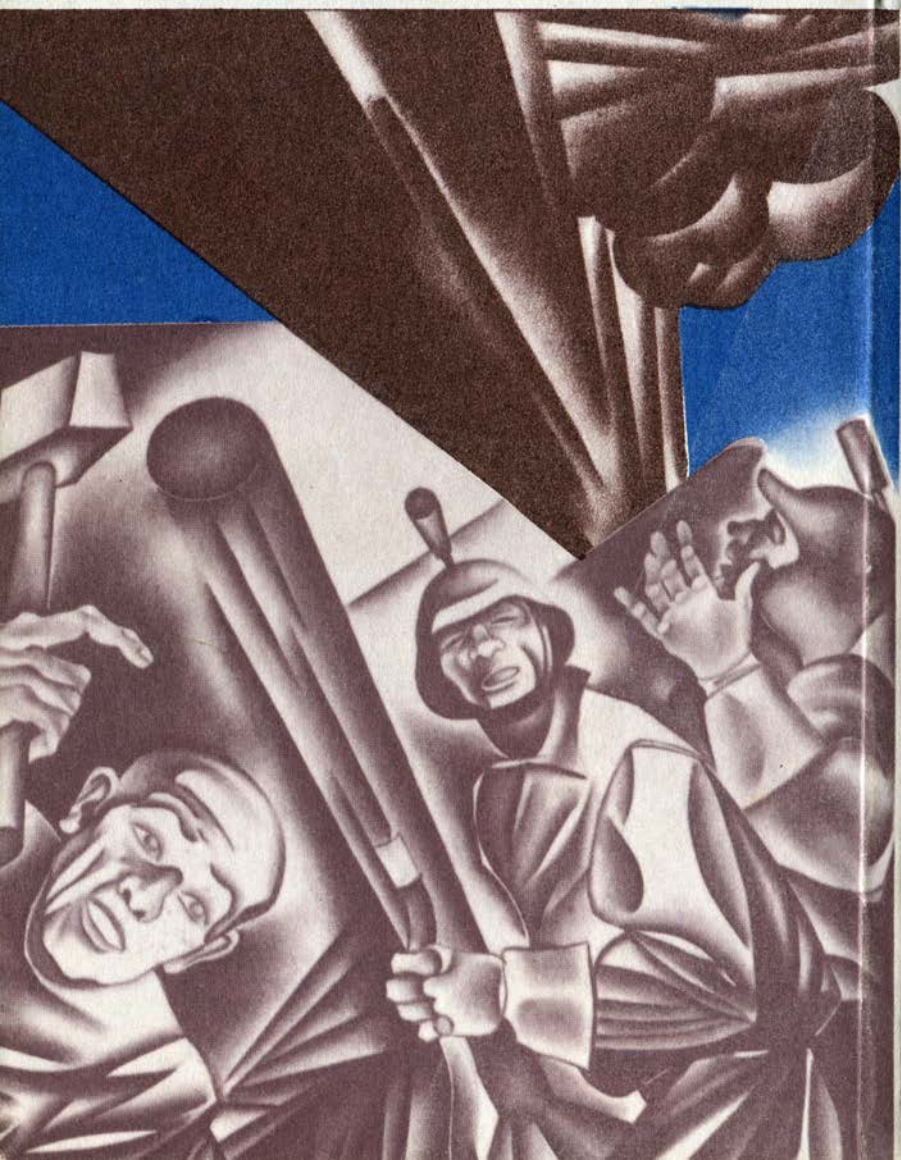
Хельмут РИХТЕР

Ян ЭКСТРЕМ

ISSN 0130-6634

Цена 60 коп.

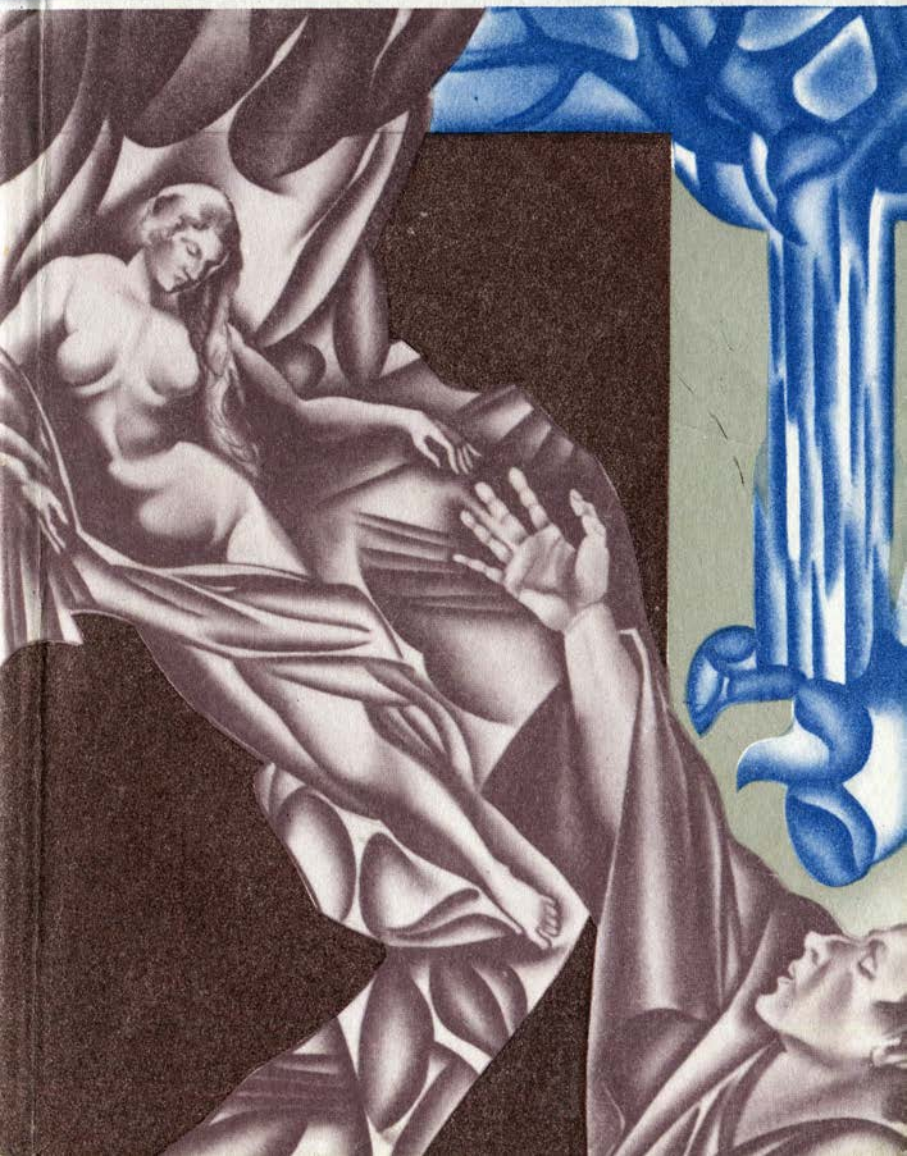
ФАНТАСТИКА ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ВОКРУГ
СВЕТА

1 1990

ИСКАТЕЛІЬ

Ричард МАККЕННА

**Вернись домой,
охотник!**

ПОВЕСТЬ

Эти чертовы деревья бессмертны, с отвращением сказали они. Действительно, на такой планете хвороста не соберешь, и им пришлось жечь пиролин, вылив его на сырые деревяшки... Мясо, которое жарил Рой Крейг, быстро покрывалось пузырями. Могли бы, конечно, воспользоваться плиткой в гравиплаине, подумал он. Но эти парни только что с Мордена, и у них на лбу красные кружки, так что они привыкли жарить мясо на открытом огне. И, конечно, они правы, подумал Крейг.

По ту сторону огня четверо возились со взрывными устройствами и громко разговаривали. На них была хлопчатобумажная синяя форма, они коротко острижены, а на лбу у каждого вытатуирован красный кружок. Рядом стоял Борк Уайлд, новый начальник, — высокий человек с резкими чертами лица, короткими черными волосами и двумя красными кружками на лбу. А у Крейга — длинные рыжеватые волосы, и его лоб, не считая нескольких веснушек, совершенно чист: по морденским понятиям, он еще не стал мужчиной. Несмотря на свои шесть футов роста, рядом с ними Крейг чувствовал себя мальчишкой. Группа состояла только из «красных кружков»; он был среди них единственным «чистиком». Приятного мало, потому что всю черную работу приходилось делать именно ему.

Их группу — шесть человек — отправили на окружающую стену. Они разбили лагерь недалеко от своего гравиплана (высокой серой машины, предназначенной в основном для перевозки грузов). До огромной окружной стены не меньше двух миль. Вокруг их лагеря стояли голые стволы с волнистой корой серебристого цвета; от земли до нижних ветвей было не меньше пятидесяти футов. Свет сквозь кроны пробивался слабо, и кругом царил зыбкий полумрак. Стволы и ветви засыпало раздвоенными листками-фитонами всех цветов и размеров. Вспугнутые огнем и людскими голосами, эти листки отделились от деревьев и, переливаясь на солнце всеми цветами радуги, повисли роем над верхними ветвями. Они звенели, щебетали и распространяли пряный запах. Самые смелые опускались пониже, подбираясь к людям. Один из сидевших у костра, маленький человечек с крысиным лицом по имени Кобб, перестал возиться с взрывным устройством и запустил в рой фитонов пылающей головней.

— Потише, вы, свирistelки! — рявкнул он. — Думать мешаете, черт бы вас побрал!

— А ты что, еще и думать умеешь? — спросил Уилан.

— Ну, раз я думаю, что я думаю, значит, я думаю.

Все засмеялись.

Сплетение красных и белых корней, густым ковром покрывавшее землю, постепенно исчезало: корни уходили в стороны и в почву, обнажая землю вокруг костра. Тем, кто недавно прилетел с Мордена, казалось, что корни просто убегают от огня, но Крейг помнил, что они делали так даже тогда, когда прежняя группа не разводила костра. К утру вокруг гравиплана бу-

© Richard McKenna. «Hunter come home». — «The best of fantasy and science fiction», London, 1968.

Художник Борис ИОНАЙТИС

дет большая проплешина. Коричневатый разветвляющийся ко-
решок в дюйм длиной выглянул из голой земли и устремился
вслед за уходящими корнями. Крейг улыбнулся и перевернул
мясо над огнем. Небольшой красно-зеленый листок-фитон отде-
лился от роя и сел ему на запястье. Крейг не стал его стря-
хивать. Тонкие бархатистые крылышки фитона поднимались и
опускались, а продольная прожилка делала его похожим на тон-
кое тельце (конечно, без ног и без головы). Крейг пошевелил
рукой и слегка удивился тому, что фитон не отпадает. Забав-
ные они все-таки.

Узорчатый золотисто-зеленый фитон с огромными крыльями
уселся на плечо Уайлда. Тот поймал его и жирными пальцами
оторвал крылья: фитон верещал и трепыхался. Крейга передер-
нуло. «Перестаньте!» — вырвалось у него, а потом извиняю-
щимся голосом он добавил: «От них не бывает вреда. Просто
они любопытные».

— Тебя, чистик, я, кажется, не трогал, — лениво ухмыльнул-
ся Уайлд. — А эти чертовы бабочки-кровососы пусть знают, чем
я тут занимаюсь.

Уайлд поддел ногой трухлявый кусок древесины, и тот,
упав в костер, стал быстро съезживаться. Уайлд бросил вслед
за ним в огонь разорванного фитона и оскалил свои лошадиные
зубы.

ПОКА ЧТО ФЭНТЭЗИ...

Вера в то, что человек может все, а природа неисчерпаема,
укоренилась в наших мыслях уже давно, и до сих пор не все
еще избавились от ее влияния. Мы приспособили к себе все,
что нас окружает, не очень-то задумываясь о взаимосвязях че-
ловека с природой.

Наверное, это звучит парадоксально, но разве не фантастика,
начиная с Жюль Верна, была (а кое-где и остается) глашатаем
технического мировоззрения, разве не обещала она чудес, кото-
рые должны были возникнуть в результате преобразования при-
роды, развития промышленности и т. п.? Нет, это не парадокс,
а правило, ведь фантастика всегда занималась тем, что было
самым важным на сегодняшний день. Она писала о войне, когда
опасалась войны, «о чуждом», когда искала это чуждое в нас
самих, создавала великолепные образы технических цивилиза-
ций, когда видела в технике лекарство от всех недугов. Ныне,
когда начали взрываться «экологические» бомбы, не менее опас-
ные, чем атомные или нейтронные, когда вокруг себя уже можно
увидеть плоды «радостной деятельности технократии», фантасти-
ка тут же и на это отреагировала. Отреагировала двумя спосо-
бами: некоторые писатели обратились к фэнтэзи, где правит не
наука, а магия, интерпретация мира исходит не из научного
анализа, а из шаманского способа мышления, так или иначе
связанного с наблюдениями над природой, сосуществованием
с ней, ее обожествлением, уважением к ее представителям. Дру-
гие остались верны научной фантастике, но ее поэтику начали
использовать для того, чтобы показать, а значит, предупредить
гипотетические опасности. И в этом случае все, что характерно

— Мясо готово, — позвал всех Крейг.

Вскоре после ужина стемнело, взошла луна. Фитоны расселись по верхним ветвям и сложили крылья. Костер погас. Все завсрнулись в одеяла, и сразу раздался дружный храп.

Но Крейг не спал. Он видел, что у Сидиса в главном отсеке все еще горит свет. Потом Сидис выглянул из гравиплана. Он был экологом с Белконтти и возглавлял предыдущую группу. В этой экспедиции он сопровождал их лишь затем, чтобы ввести нового начальника, Уайлда, в курс дела. И ел, и спал он только в гравиплане, за что его глубоко презирали «красные кружки» с планеты Морден. Лоб его был так же чист, как и у Крейга, но для Крейга это слабое утешение. Ведь Сидис с планеты Белконтти, а там обычаи совсем другие.

Наивысшей добродетелью морденцы до сих пор считают храбрость. Их предками были земные колонисты, которые утратили связь с метрополией и опустились в техническом отношении до уровня каменного века. И потом, пока они не изобрели порох, им пришлось вести жестокую борьбу с Красными Зверями — эти страшные динотерии господствовали на Мордене до появления там людей, да и долгое время после. На протяжении многих десятилетий обряд посвящения, после которого юноши могли считать себя взрослыми мужчинами, состоял в ритуальной охоте. Отряд молодых людей, связанных друг с другом

для фантастики, — построение цепи предположений, использование метафоры, художественного преувеличения, напряженного сюжета — призвано содействовать, чтобы затронутые в этом произведении проблемы достигли массового сознания и в какой-то степени повлияли на пробуждение общественно-экологического мышления.

Не будем скрывать, что Запад и западная фантастика затронули эти проблемы гораздо раньше. И когда к нам попадали произведения, в которых говорилось об экологической угрозе, они чаще всего встречались с официальной реакцией типа: «Ну да, ну это там, у них, а у нас все великолепно». Мысль об «отличном состоянии» экологической среды у нас «подтвердил» обширный болезненный опыт нескольких последних лет. Когда в социалистических странах убедились, что природа — общая и у экологических катастроф — международный характер (который может стать и глобальным), эта тема время от времени стала затрагиваться и в чешской, советской, венгерской, немецкой и, чуть раньше, в польской литературе.

Этот номер «Искателя» — прекрасный пример международного экологического сотрудничества. В нем повесть американского фантаста, два рассказа советских и один немецкого авторов. И если бы не ограниченный объем номера, в него можно было бы включить произведения и англичан, и французов, и чехов, и поляков, и венгров...

И что интересно, все эти произведения, хотя и возникли в разных условиях и в разное время (повесть Ричарда Маккенны — четверть века назад), имеют, однако, много общих черт. Их герон, как это обычно происходит в экологической фантастике, берюгся не с угрозой извне, результатом деятельности чего-то,

священной клятвой, отправлялся на охоту, чтобы копьями и стрелами убить Красного Зверя. С тех пор как появились ружья, юноши охотились на Зверя уже в одиночку. Тот, кто возвращался живым, мог носить красный кружок на лбу, считался мужчиной и получал право жениться и иметь детей. Когда цивилизованные планеты вновь открыли Морден, на планету хлынул поток информации. Затем последовал демографический взрыв, и оказалось, что Красных Зверей остается слишком мало и на всех молодых людей их просто не хватает. У семьи Крейга не было денег, чтобы заплатить за такую охоту, и поэтому Крейг не мог стать настоящим мужчиной.

Ничего, упрямо надеялся он, мое время еще придет.

Лет за десять до рождения Крейга морденский Охотничий совет решил превратить «ничейную» планету фитонов в заповедник Красных Зверей, на которых морденские юноши могли бы охотиться. Но флора и фауна на Мордене были примерно такие же, как на Земле, и не могли, конечно, потеснить фитонов и заселить планету. Чтобы бороться с фитонами, морденцы заключили соглашение с белконтийскими биологами. Все морденцы, которые работали под началом биотехников-белконтийцев, были чистиками: ни один «красный кружок» не стал бы подчиняться приказам изнеженных белконтийцев, тем более что эти биотехники в основном были женщинами. При помощи танасиса (растения, истреблявшие местную флору) белконтийцам удалось расчистить два больших острова, на которые потом была завезена морденская флора. На одном из островов разместилась штаб-квартира; этот остров называли Базовым. На другом по-

кого-то, но прежде всего с самими собой, с продуктами своей деятельности, своего мышления. Даже в этих четырех произведениях мы видим, как многочисленны и глобальны эти угрозы, они касаются не только внешней природы, которая нас окружает, но и нашей внутренней, также подлежащей преобразованию и изменению. Деятельность «ученика чародея» может проявляться по-разному — через уничтожение, через введение в экосферу чуждых элементов, но может быть основана также и на окружении себя автоматикой, электроникой, которая заботится о человеке, оберегает его, нянчит, но одновременно уничтожает его связь с той частью природы, которой является другой человек.

Образы, создаваемые экологической фантастикой, часто унылы, грубы, даже жестоки (хотя можно встретить и сатирические или юмористические пассажи, но они не льстят нашему тщеславию), и все же это один из тех нечастых случаев, когда жестокость вызывает гуманистический отклик.

Несомненно, произведения, с которыми вам предстоит ознакомиться, занимательны, читаются на одном дыхании. Но я очень просил бы вас не только следить за фабулой, но и задуматься над тем, что за ней скрыто.

Славомир КИНДЗЕРСКИЙ,
заместитель ответственного секретаря журнала «Фантастика»,
литературный критик
Варшава

селили Красного Зверя, и тот чувствовал себя превосходно.

Когда я был маленьким, подумал Крейг, мне говорили, что я обязательно убью своего Красного Зверя здесь. До сих пор на этой планете был только один-единственный Красный Зверь.

Борьба шла уже тридцать лет, но континенты не сдавались. Фитоны осаждали каждый завоеванный танасисом плацдарм, видоизменялись, переходили в наступление. Белконтийские специалисты по генной инженерии разрабатывали все более «смертоносные» разновидности танасиса, которые уже угрожали выйти из-под контроля. Теперь, три десятилетия спустя, стало ясно, что танасис терпит поражение. Белконтийцы заявили, что эксперимент придется свернуть. Но планета фитонов стала для морденцев символом надежды, при помощи которого власти Мордена кое-как обуздывали социальное брожение среди подданных. У Охотничьего совета не было иного пути. Группу «красных кружков» отправили с Мордена на Белконти изучать биотехнику. Оттуда они прибыли на планету фитонов, чтобы самим взяться за дело.

А у Крейга тем временем подходил к концу двухлетний срок его контракта. Он работал вместе с другими чистиками, начальником у них был белконтиец, и Крейг стал понемногу забывать о своей неполноценности. Он продлил контракт еще на два года. И вдруг месяц назад на планету прибыл морденский корабль с «красными кружками», которыми предполагалось заменить и вспомогательный персонал, то есть чистиков, и биотехников-белконтийцев. Белконтийцы решили лететь на своем собственном корабле, который должен был забрать их примерно через год. А Крейг оказался на этой планете единственным чистиком — кроме белконтийцев, но они ведь не в счет.

Вот ты и остался один, вздохнул Крейг. Он уткнулся лбом в колени. Хорошо бы сейчас заснуть. Но тут кто-то тронул его за плечо. Крейг обернулся и увидел Сидиса.

— Зайди ко мне, Рой, — прошептал Сидис. — Хочу с тобой поговорить.

Вскоре Крейг сидел напротив Сидиса за длинным столом в главном отсеке гравиплана. Сидис был стройным смуглым белконтийцем с изысканными манерами и неизменной иронической улыбкой.

— Скверные два года тебя ожидают, — нахмурился Сидис. — Не нравится мне, как они все тобой командуют, особенно этот крысенок Кобб. Почему ты это терпишь?

— Ничего не поделаешь. Я же чистик.

— Но ты в этом не виноват! Если таков ваш закон, то это несправедливый закон.

— Это справедливо, потому что естественно, — сказал Крейг. — Конечно, мне не нравится, что я не мужчина, но ведь это действительно так!

— Брось! Ты самый настоящий мужчина. Тебе двадцать четыре года.

— Я не стану мужчиной до тех пор, пока сам не почувствую себя мужчиной, — сказал Крейг. — А почувствую я это только тогда, когда убью Красного Зверя.

— Боюсь, что даже после этого ты останешься чужаком среди своих, — сказал Сидис. — Я знаю тебя уже два года, и у

меня сложилось впечатление, что такой человек, как ты, на Мордене всегда будет лишним. Короче, я хочу тебе кое-что предложить. — Сидис оглянулся на дверь и снова посмотрел на Крейга. — Прими белконтийское гражданство. Мы все замолчим за тебя слово. Я уверен, что Мил Эймс подыщет для тебя новую работу. А потом ты полетишь с нами на Белконти.

— Нет, господин Сидис, этого я никогда не сделаю. Клянусь Красным Зверем!

— Но почему же? Ты хочешь на всю жизнь остаться морденским чистиком?.. Хотя бы жениться ты сможешь?

— Если и смогу, то только на такой женщине, на которую ни один «красный кружок» не позарился. И она всегда будет считать себя неудачницей. И всегда будет меня ненавидеть.

— И это, по-твоему, справедливо?

— Справедливо, потому что естественно. Естественно, что женщина ищет себе полноценного мужчину, а не мальчишку какого-нибудь.

— Белконтийки относятся к этому несколько иначе... Подумай как следует, Рой.

Крейг зажал руки между коленями и, глядя в пол, медленно покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Я не могу согласиться. Я должен остаться здесь и сделать все возможное для того, чтобы прошло время, когда на Мордене не останется ни одного парня, одураченного, как я... И вообще, господин Сидис, ни один морденец никогда не уклонялся от битвы.

— Но эта битва уже проиграна, — улыбнулся Сидис.

— А вот господин Уайлд считает иначе. Он говорит, что в лабораториях на Базе изобрели и уже собираются пустить в ход какой-то траве... транс...

— Транслокатор генных матриц, — нахмурился Сидис. — Ну, пока Мил Эймс руководит лабораториями, этого не случится. А после того как мы улетим, ваши, наверное, сами себя погубят. — Он пристально посмотрел на Крейга. — Честно говоря, я не собирался тебе рассказывать, но это одна из причин, по которым, как мне кажется, тебе следует лететь с нами.

— Как это мы сами себя погубим?

— Рано или поздно появится свободная система, которую люди не смогут контролировать.

Крейг недоуменно тряхнул головой. Сидис задумался.

— Тебе, наверное, известно, — сказал Сидис, — что корни здешних деревьев соединены под землей. Это как бы одно гигантское растение. Танасис вводит в них саморазвивающиеся ферментные системы, стараясь как бы «переварить» целый континент. Мы в лабораториях разрабатываем их. Дело в том, что они ведь могут «переварить» и человека: поэтому вам и делают прививку каждый раз, когда появляется новая система. Одновременно с каждым новым штаммом танасиса мы получаем в лабораториях и вирус-убийцу, который позволяет держать этот штамм под контролем. А при транслокации... — Сидис соединил кончики пальцев. — При транслокации танасис сможет порождать в полевых условиях новые свободные системы. И тогда, возможно, появится что-то такое, против чего мы не сможем выработать иммунитет, против чего все известные нам вирусы-

убийцы окажутся бессильны. Тогда танасис убьет всех нас и сам будет господствовать на планете.

— На планете Фрао так и случилось?

— Да. Теперь ты знаешь, что вам угрожает. О победе не может быть и речи. Тебе нужно лететь на Белконти.

Крейг встал.

— Я даже немного жалею, — сказал он, — что вы рассказали мне об этой опасности. Теперь у меня тем более нет выбора: я должен остаться здесь.

Сидис откинулся в кресле и опустил ладони на стол.

— Прежде чем окончательно отказаться, — сказал он, — поговори с Мидори Блейк. Она к тебе привязана, Рой. И мне кажется, она тебе нравится.

— Да, я... мне приятно с нею, — сказал Крейг. — Мне нравилось, когда наша группа отправлялась на Бертон. Тогда вы еще были начальником. Хорошо бы туда опять наведаться.

— Я попробую уговорить Уайлда. А ты еще раз все обдумай. Договорились?

— Как-то сейчас не получается у меня думать, — сказал Крейг. — Даже трудно объяснить, что я чувствую. — Он повернулся к двери. — Пойду пройду, может, что-нибудь и придумаю.

— Доброй ночи, Рой.

Взошла вторая луна. Крейг шел по лесу: серебристые стволы обступали его, словно привидения. Облепившие их фитоны начинали сонно гудеть, когда Крейг проходил мимо. Белконтийца из меня не получится, думал он, слишком я мало знаю... Он уже приближался к окруженной стене. Лес становился все гуще, стволы переплетались, становясь сплошной пологой дамбой футов в девяносто высотой. Крейг стал взбираться по склону, но на полпути остановился. Глупо было идти дальше без защитной одежды. Там, впереди, танасис. Его свободные системы бесчисленным множеством побегов распространялись на сотни футов и даже рассеивались в воздухе. Здешние деревья, соединенные корнями, были словно одним растением, и танасис вгрызлся в него, как страшная болезнь. Стволы деревьев образовывали вокруг захваченных танасисом плацдармов окружные стены, чтобы остановить его продвижение и заставить отравиться собственным ядом... Крейг поднялся еще на несколько футов.

Он ведь сильнее Кобба. Сильнее любого из них, кроме, конечно, Уайлда. Но он знал и то, что при ссоре с кем-нибудь из них у него задрожат колени, а из горла вырвется лишь жалкий писк. Потому что они мужчины, а он нет.

— И все-таки я не трус, — громко сказал он.

Он добрался до вершины. Внизу, при свете двух лун, морем черноты простирался танасис. Крейгу были хорошо видны узкие острые листья с опущенными волосками, готовыми ужалить; на волосках блестели капли яда. Танасис выпускал этот яд, чтобы его смывало дождевой водой вниз по склону, к корням деревьев. Но окружная стена сдерживала отравленную воду; весь этот плацдарм танасиса сам захлебывался в ней, и его положение было безнадежным. Крейг видел, как смертоносные усики ощу-

пытали твердую поверхность стены, отыскивая в плоти врага уязвимое место, чтобы впрыснуть туда свой яд и устремиться вслед за ним, пожирая и размножаясь. Усики почувствовали вблизи тепло человеческого тела и слегка вздрогнули. Совсем недалеко от Крейга был побег танасиса толщиной с хороший ствол. Говорят, что даже мертвые кустики могут за неделю сожрать человека.

Я не боюсь, сказал себе Крейг. Он сел, разулся и поболтал босыми ногами над морем танасиса. Все белконтийцы, даже Мидори Блейк, подумали бы, что он сумасшедший. Они не понимают, зачем нужна храбрость: у них самих нет ничего, кроме мозгов. И все-таки они ему нравятся. Особенно Мидори. Думая о ней, он смотрел на танасис. Сначала весь континент должен покрыться танасисом. А потом люди пустят в дело вирус-убийцу, истребят танасис, посадят всюду траву и настоящие деревья, привезут сюда птиц и животных. Все здесь будет выглядеть так же, как сейчас на Базе или на Острове Зверя. Сидис ошибается. Эта трансштука сделает свое дело. Он, Крейг, останется здесь и заработает столько денег, сколько нужно, чтобы стать мужчиной... Он принял решение, и настроение у него поднялось.

Вдруг Крейг ощутил легкое прикосновение к левой щиколотке. Острая боль обожгла ступню. Крейг отдернул ногу; впившийся в нее усик танасиса оторвался от стебля и извивался, не желая отпускать добычу. Крейг присвистнул, выругался и соскоблел усик каблуком ботинка. Руками по крайней мере его трогать не надо. Крейг надел правый ботинок и поспешил в лагерь.

Левый ботинок он нес в руке, потому что знал, как быстро распухнет лодыжка. Когда добрался до лагеря, боль в левой ноге стала уже почти невыносимой. Сидис ввел противоядие, дал Крейгу успокаивающее и заставил перебраться на одну из коек внутри гравиплана. Вопросов Сидис не задавал. Он лишь посмотрел со своей обычной усмешкой на лежащего Крейга.

— Морденец есть морденец, — сказал Сидис и покачал головой.

Белконтийцы всегда так говорили.

Утром при виде Крейга Кобб ухмыльнулся, а Уайлд пришел в бешенство.

— Если ты надеешься провалиться неделю, то ты просчитался! — сказал он. — Я даю тебе два дня.

— Ему нужно две недели, — возразил Сидис. — Я буду делать его работу.

— Я сам буду работать, — сказал Крейг. — Болит не так уж сильно.

— Ладно, сегодня можешь отдохнуть, — смягчился Уайлд.

— И сегодня буду работать, — сказал Крейг. — Ничего, я нормально себя чувствую.

Солнце палило немилосердно. Для Крейга в тот день работа была настоящей пыткой. Ногу он обмотал тряпками. При каждом шаге острая боль пронзала все тело. Бур Крейга вгрызался в окружающую стену, и каждый раз ему обдавало ноги вырвавшимся из скважины пурпурно-красным соком. Крейг совал в скважину взрывное устройство, взваливал на плечо бур и

плелся дальше. Он повторял эту операцию снова и снова, работал, как машина (даже не сделал перерыва, чтобы поесть), и старался не обращать внимания на фитонов, которые облепили его шею и руки. Крейг решил во что бы то ни стало закончить свою дугу раньше всех. А когда кончил, ему показалось, что нога, как ни странно, теперь болит меньше. Он нацелил на рукоятку бура красную тряпку, помахал ею, и гравиплан снизился, чтобы забрать его. Гравипланом управлял Сидис.

— Ты кончил первым, — сказал Сидис. — Непонятно вообще, как ты жив остался. Иди приляг.

— Нет, — сказал Крейг, — позвольте мне управлять машиной. Я совсем неплохо себя чувствую.

— Хочешь показать, на что ты способен? — улыбнулся Сидис. — Ну ладно.

Он уступил свое место Крейгу и ушел в главный отсек. Управлять гравипланом тоже считалось черной работой, но Крейг любил ее. Ему нравилась кабина пилота с двумя креслами и множеством окон; особенно он любил оставаться в ней один. Он поднял гравиплан на тысячу футов и посмотрел на окружную стену, которая кольцом охватывала темно-зеленый при дневном свете остров танасиса. За окружной стеной серебрился океан фитонов; кое-где он переливался разными цветами. Очень красиво, подумал Крейг. На севере он заметил многоцветное облако, которое резко выделялось среди других, серебристых и кудрявых. И это тоже было очень красиво.

Крейг слышал, как в главном отсеке Сидис говорил Уайлду:

— Если им нужно создать или восстановить окружную стену, они перемещаются очень быстро. Внизу, у основания этой дамбы, биомасса гораздо ниже; когда отравленная вода хлынет в брешь, фитоны получают своего рода шок, и танасис рванется вперед. Но потом обязательно появится новая стена.

— В следующий раз будем делать дуги в пятьдесят миль, — сказал Уайлд.

Гравиплан снизился, чтобы забрать Джордана. Это был коренастый рыжеватый человек примерно одного возраста с Крейгом. Улыбаться он начал еще до того, как оказался в гравиплане.

— Опять ты нас обставил, Крейг? — удивился он. — Ты даешь, парень!

— Но ведь я здесь уже два года, — объяснил Крейг.

От этой похвалы у него поднялось настроение. Первый раз Джордан назвал его по имени, а не просто «чистик». Крейг поднял машину в воздух. Джордан уселся рядом с ним во второе пилотское кресло.

— Как нога? — спросил Джордан.

— Нормально, — ответил Крейг. — Я уже могу надеть на нее ботинок не зашнуровывая.

— Лучше не пробуй, — посоветовал Джордан. — Сегодня я займусь ужином и всем остальным. Твоей ноге нужен покой.

— А вон Уилан машет, — сказал Крейг.

Крейг посадил гравиплан, чтобы забрать Уилана. Джордан ушел в главный отсек. Подобрал Райса и Кобба, Крейг поднял машину на высоту две мили. Уайлд послал радиосигнал, и двадцать миль окружной стены — живые стволы — взлетели на

воздух среди языков пламени и клубов пыли. Взрывная волна быстро продвигалась вперед, заставляя перепуганных фитонов подниматься в воздух многоцветными роями. На серебристом фоне расплывалось черное пятно отравленной воды.

— Так их! — рявкнул Уайлд. — Отличная штука, этот танасис. Приятно посмотреть, черт возьми! Эх... Ну и хватит на сегодня. Сидис, где здесь хорошее место для стоянки?

— Мы можем за час добраться до острова Бертон, — сказал Сидис. — Там лаборатория система систематиков. Когда я с группой работал в этой местности, мы каждый раз возвращались туда на ночлег.

— Наверно, поэтому у вас ничего и не получалось, — сказал Уайлд. — Но мне бы хотелось посмотреть остров. У Охотника есть насчет него кое-какие планы.

Уайлд крикнул Крейгу, чтобы тот держал курс на остров. Гравиплан поднялся на высоту десять миль и, развив полную скорость, полетел на юго-восток. Вскоре лес остался позади; теперь они летели над багрянистым морем. На горизонте показалась цепочка островов. Хороший был день, подумал Крейг. Джордан, кажется, не прочь подружиться. А впереди — долгожданная встреча с Мидори Блейк.

Он посадил гравиплан на восточной оконечности острова, на почерневшей земле у знакомых домиков из серого камня. Им навстречу вышли Джордж и Хелин Тояма, улыбочивые седые люди в рабочих халатах, Крейгу все же удалось натянуть на левую ногу ботинок: больно, конечно, но ходить можно, если не зашнуровывать. Хелин сказала ему, что Мидори ушла в ущелье рисовать. Прихрамывая, Крейг отправился по тропинке, которая вела в ущелье. Слева, над обрывом, стояли дома Мидори и семьи Тоямы. Кроме них, никакого населения на острове Бертон не было. Остров считался своего рода святилищем, центром исследований фитонов, и танасис здесь никогда не применялся. Не считая Базы, это единственное место на планете, где постоянно жили люди. Мидори очень любила ущелье. Она рисовала его снова и снова. Крейг хорошо помнил эти скалы с прожилками кварца, водопад, пруд и танец фитонов в лучах солнца (серебристые стволы деревьев придавали этому свету сходство с лунным). Мидори говорила, что такой свет у нее на картинах никогда не получался. Крейг любил смотреть, как она рисует, особенно когда она забывала о нем и начинала что-нибудь напевать. Милая Мидори. Хорошо быть на одной планете с нею. Сквозь шум водопада и жужжание фитонов Крейг слышал ее пение; она стояла перед мольбертом у кварцевой глыбы. Услышав звук шагов, обернулась и встретила его улыбкой.

— Рой! Как я рада! А я боялась, что ты все-таки решишь лететь домой.

Он смотрел на ее изящное маленькое тело в сером платье, на ее тонкое лицо с большими черными глазами, на темные волосы, уложенные в какой-то детской прическе. В ее голосе было что-то от птичьего щелбета, и стремительной грацией своих движений она тоже напоминала птицу. Крейг счастливо улыбнулся.

— Одно время я жалел, что остался, — сказал я. — А сейчас этому радуюсь.

И он, прихрамывая, подошел к ней ближе.

— Что у тебя с ногой? — воскликнула Мидори. — Ну-ка иди сюда. Садись. — И она заставила его сесть на камень. — Что случилось?

— Это танасис меня куснул. Ничего страшного.

— Сейчас же сними ботинок! Он же давит!

Она помогла ему снять ботинок, погладила холодными пальцами его опухшую щиколотку, села рядом.

— Представляю, как тебе больно. Как же это случилось?

— Так... настроение было неважное, — сказал он. — Я сел на окружную стену, разулся и стал болтать ногами над танасисом.

— Глупый Рой! А почему, тебе было там плохо?

— Да так как-то... — Несколько ярких фитонов уселось на его голую щиколотку, и он не стал их сгонять. — Мы теперь ночуем в лесу, сюда не возвращаемся. Все эти новые ребята — «красные кружки». Я опять стал пустым местом...

— Ты хочешь сказать, они считают, что ты до них не дорос?

— Я и вправду до них не дорос, в том-то и дело. Понимаешь, Мидори, у человека вся душа меняется, когда он убивает Красного Зверя. Я дождусь того дня, когда на этой планете будет полно Красных Зверей и на Мордене не останется ни одного парня, которого бы вот так одурачили.

— Фитоны не сдадутся, — мягко сказала Мидори. — Теперь это уже ясно. Мы проиграли.

— Вы, белконтийцы, может, и проиграли. А морденцы никогда не отступают.

— Проиграл танасис. Может быть, вы собираетесь стрелять по фитонам из ружей?

— Нет, зачем из ружей. Мы применим эту... транс...

— Транслокацию? Нет, этого нельзя делать! — Она поднесла пальцы к губам. — Ведь тогда танасис нельзя будет контролировать в полевых условиях. Я думаю, они не решатся.

— Мы решимся на все, — гордо сказал Крейг. — Те ребята учились на Белконти, и они знают, как обращаться с такими вещами. Другое дело, что...

Фитоны, сидевшие на их головах, плечах и на его голой щиколотке, тихо щелкали.

— О чем ты, Рой?

— Я рядом с ними чувствую себя неучем. Уже два года работаю на окружных стенах, а они только что с Белконти, но знают о фитонах больше, чем я. Если можно, Мидори, расскажи мне что-нибудь о фитонах. Я хочу им показать, что тоже немного смыслу в этом. Ну вот, например, скажи, фитоны что-то чувствуют?

Мидори немного помолчала.

— Ты знаешь, — сказала она, — я люблю фитонов. Это удивительные существа. Они одновременно и растения, и животные. На этой планете жизнь едина.

Фитоны, объясняла она, это летающие листья деревьев. А сами деревья связаны между собою. Все корни под землей соединены в одну систему, которая охватывает целый континент.

По гигантским корням — «магистральям» соки поступают в любых количествах туда, где они необходимы. Что-то вроде перистальтики. Дерево и «принадлежащие» ему фитоны составляют единый живой организм.

— Впрочем, — сказала она, — каждый фитон может «ужиться» с любым деревом, и фитоны часто перелетают с места на место. Здесь все соединено в одно целое. Считается, что мы в лаборатории классифицируем фитоны, но ведь это невозможно! Они непрерывно меняются — и по форме, и по химическому строению. Никаких классов тут быть не может. — Она вздохнула. — Ну вот, это самое удивительное, что я о них знаю. Тебе это пригодится?

— Честно говоря, я плохо понял. Я же тебе говорил, что я неуч. Расскажи мне что-нибудь попроще, чем бы можно их удивить.

— Тогда скажи им вот что. Фитоны располагают системами пластид, и те могут синтезировать практически любые молекулы. Фитоны меняются так быстро, что это даже нельзя назвать эволюцией. Их способность к мутациям для нас просто непостижима. Мы работаем над танасисом, изобретаем новые яды и свободные системы, но со временем каждая из них сталкивается — по чистой случайности — с фитонами и деревьями, которые могут ей противостоять. И фитоны всей планеты получают необходимую информацию — с каждым разом все быстрее. Вот почему у танасиса нет шансов на победу.

— Зря ты так говоришь, Мидори. Ведь эта транслокация...

— И транслокация не поможет! — резко сказала она. — У фитонов неограниченная способность к транслокации. И полов у них будет столько, сколько им потребуется. Все фитоны как одно целое — это самая совершенная биохимическая лаборатория галактики. По сути дела, это сознание, может быть, даже интеллект. И этот интеллект обучается гораздо быстрее, чем мы! — Она обеими руками вцепилась ему в плечо. — Расскажи им это! Заставь их понять, что здесь человеческий разум потерпел поражение. А вы теперь хотите пустить в ход еще и человеческую жестокость?! Ах, Рой!..

— Вы, белконтийцы, — с досадой сказал Крейг, — считаете всех морднцев дураками. Иногда кажется, будто вы хотите, чтобы у нас ничего не получилось!

Она отвернулась и стала мыть кисточки. Темнело, фитоны рассаживались по кронам деревьев. Крейг молчал, расстроенный, но его плечо словно помнило прикосновение ее рук. Наконец Мидори заговорила. Ее голос снова стал мягким.

— Не знаю, Рой. Если бы вы хотели построить здесь дома, возделывать землю... Но ведь вас интересует только ритуал, вам нужны все новые и новые смерти людей и динотериев...

— Наверно, у людей с разных планет и души по-разному слеплены, — сказал Крейг. — Вот у меня в душе явно чего-то не хватает. — Он осторожно положил руку ей на плечо. — Иногда в выходные я лечу на остров Зверя. Очень хочу как-нибудь взять тебя с собой. Тогда бы ты поняла...

— Я понимаю тебя, Рой. Но просто я не согласна.

Мидори потрясла мокрыми кисточками, но его руку со своего плеча не убрала. Крейг задумался.

— А почему никто не видел мертвого фитона? — спросил он. — И почему на целом континенте нельзя набрать сухого дерева даже для одного костра? Куда это все девается?

Мидори засмеялась и обернулась к Крейгу. Его рука соскользнула с плеча Мидори, и он осторожно обнял ее за талию.

— Мы называем это поглощением, — сказала она. — Они поглощают друг друга. А потом вырастают в другом месте и в другой форме — так, например, появляются окружные стены. Пойми, Рой, планета фитонов не знает, что такое смерть и разложение. Здесь все поглощается и снова возрождается. Мы стараемся убить эту планету, но ее разум — да-да, разум! — просто не способен понять, что такое смерть! В биохимии смерть немислима.

— Ладно тебе, Мидори! Фитоны вообще не способны понимать. А может, они и не чувствуют ничего.

— Чувствуют! — Она оттолкнула его руку и вскочила с места. — Их щебетание — это крик боли! Тояма помнит время, когда вся планета была почти безмолвной. Он здесь уже двадцать лет, и за это время их температура поднялась на двадцать градусов, интенсивность обмена веществ и скорость проведения нервного импульса возросли в два раза, хронаксия вдвое уменьшилась...

Крейг встал и примирительно поднял руки.

— Ну-ну, Мидори, — сказал он. — Ты же знаешь, что все это для меня темный лес.

Уже наступили сумерки, и он не мог разглядеть ее лицо.

— Я просто боюсь, — сказала она. — Боюсь, что мы даже не понимаем, что натворили.

— Мне всегда грустно становится от этого их писка, — сказал Крейг. — Сам-то я этих тварей не обижаю. Но как подумаешь, что целые континенты вопят от боли — днем и ночью, долгие годы... Клянусь Зверем, Мидори, мне тоже становится страшновато.

Она начала укладывать свои кисточки и краски. Крейг надел на левую ногу ботинок и даже зашнуровал его, не чувствуя никакой боли.

— Пойдем ко мне, — сказала Мидори. — Я приготовлю ужин.

Крейг уже несколько раз ужинал у Мидори. Это были лучшие вечера в его жизни.

Он взял ее мольберт, и они стали подниматься по крутой тропинке. Крейг почти совсем не хромал.

— Если тебе тоскливо от этой работы, то почему ты остался еще на два года? — вдруг спросила она.

— Через два года я наберу столько денег, сколько мне нужно, вернусь на Морден и куплю право охоты на Красного Зверя. Тебе, наверно, кажется, что это очень глупое объяснение?

— Все нет, — сказала она. — То, о чем я думала, гораздо глупее.

Удивленный ее внезапной холодностью, Крейг не нашел что сказать. В это время сверху раздался крик.

— Крейг! Эй, Крейг!

Это был Джордан.

— Чего? — отозвался Крейг.

— Давай возвращайся! Борк прямо бешется: ты же должен заняться взрывателями. Только быстрее. Я там тебе оставил перекусить.

Остальное время в поле прошло для Крейга гораздо лучше. Джордан стал помогать ему с работой по лагерю и подтрунивал над Уиланом и Райсом до тех пор, пока они не последовали его примеру. Кроме Уайлда и Кобба, никто не называл Крейга чистиком. Так что настроение у него было отличное. Когда они возвращались на Базу и Крейг вел гравиплан над морем, Джордан сидел рядом с ним. На юге синел остров Зверя, а на востоке, на самом горизонте, вставали вершины континентальной прибрежной гряды.

— Ну вот, скоро будем дома, — сказал Джордан. — Нас ждет пиво и нормальная кухонная плита. Может, нас пошлют охотиться.

— Хорошо бы, — согласился Крейг.

На Базовый остров было приятно смотреть. Четыре тысячи квадратных миль саванны с холмами и рощицами молодых дубов и буков. И там полно дичи — морденских зверей и птиц. О присутствии человека свидетельствовали прямоугольные поля и здания на северной оконечности острова. Но большую часть острова занимали теплицы-лаборатории с ионной защитой, где рос танасис. Базовый остров для людей был кусочком желанного будущего этой планеты: именно так она будет выглядеть, когда танасис уничтожит фитонов, а потом и сам будет уничтожен, и на ней расцветут морденские фауна и флора... На Базовом острове люди действительно чувствовали себя «дома».

Другие группы, работавшие на окружающих стенах, еще не вернулись. Уайд доложил, что они ликвидировали тысячу двести миль окружающих стен (это на пятьдесят процентов превышало средний результат белконтийцев). Их поздравил сам Барим, Верховный Охотник. Это был дородный человек с низким голосом, постриженный ежиком, и на лбу у него красовалось четыре красных кружка. Крейгу впервые жал руку человек, который убил четырех Красных Зверей. В качестве поощрения Барим на неделю отправил их группу отстреливать дичь. Крейг охотился в паре с Джорданом. Он убил двадцать оленей, двенадцать кабанов и множество птиц. Результаты Кобба были куда скромнее, и Джордан не преминул сосричь по этому поводу. Кобб пришел в бешенство, в эти минуты он напоминал разъяренного воробья.

С тех пор как на Базе появились морденцы-биологи, там царил жизнерадостная атмосфера. Крейгу нравился весь этот шум. Вскоре ему рассказали последнюю сплетню. Барим распорядился начать производство пыльцы для транслокации. Белконтийка Милдред Эймс, главный биолог, отказалась. Но лаборатории были собственностью Мордена, и Барим приказал своим парням приняться за работу. Госпожа Эймс устроила скандал. Тогда Барим запретил белконтийцам вход в лаборатории. Борьба была неравной, но Эймс не сдавалась. Она добилась, чтобы ее людей снова пустили в лаборатории. Теперь они имели право только наблюдать и фиксировать результаты, то есть за-

ниматься чистой наукой. В общем, жизнь здесь была нескудная.

Ревнуют нас к фитонам, посмеивались морденские биологи. Боятся, что мы узнаем, как они водили нас за нос! Уж мы во всем разберемся, Красный Зверь — свидетель!

Крейг иногда встречался в лабораториях с Эймс. Сейчас эта высокая стройная женщина выглядела осунувшейся и несчастной. Она назначила Сидиса наблюдателем в лаборатории; он больше не будет заниматься окружающими стенами. А Крейг часто вспоминал о том, что рассказала ему Мидори. Особенно сильное впечатление на него произвел рассказ о поглощении, и он ждал удобного случая, чтобы блеснуть эрудицией. Однажды за завтраком такой случай представился. Группа Уайлда сидела за одним столом с биологами. Как всегда, шум голосов перекрывал звяканье посуды. С одной стороны от Крейга сидел Кобб, с другой — Джордан, а напротив — коренастый лысый человек по имени Джо Брин, морденский биолог. Джо заговорил об окружающих стенах. И Крейг решил, что сейчас самое время.

— Здорово они их делают, эти окружающие стены, — сказал он. — Они поедают друг друга, а потом опять рождаются. Это называется поглощением.

— Но поглощают они только самых паскудных фитонов, правда ведь? — сказал Джо. — А как тебе нравится их способ спаривания?

— Мне совсем не нравится! — крикнул Уайлд, сидевший во главе стола. — Я бы так не хотел.

— О чем они? — шепотом спросил Крейг у Джордана.

Но Кобб его услышал.

— Чистик хочет знать, откуда берутся дети, — громко сказал Кобб. — Кто ему объяснит?

— Папаша Борк объяснит, кто же еще! — сказал Уайлд. — Слушай, чистик, как это бывает. Когда у этой свиристелки появляется такое вот странное чувство, она находит себе товарищей — от одного до дюжины. Они кучей садятся на стол и становятся розоватым наростом. Ты их видел, конечно, эти наросты. А потом нарост лопается, и из него вываливается на землю клубок корешков. Ясно тебе?

Все вокруг улыбались. Крейг покраснел и качнул головой.

— Корешки расползаются и уходят в землю, — сказал Джордан, — а потом из каждого вырастает фитогенное дерево. Целый год на нем растут фитоны, целая бездна фитонов. После этого дерево становится для них просто прибежищем и «столовой».

— Я видел уйму таких корешков, — сказал Крейг. — Мне и в голову не приходило, что на самом деле это такие семена.

— А ты знаешь, чистик, чем отличаются корешки-мальчики от корешков-девочек? — хихикнул Кобб. Джо Брин фыркнул.

— Кончай, Кобб, — сказал Джордан. — Понимаешь, Крейг, тут надо считать ножки. Каждая пара ножек сама по себе способна к размножению.

— А неплохо они устроились, — сказал Уайлд. — У одного корешка может быть дюжина полов, и каждый с каждым это самое... И все одновременно! Не слабо, черт возьми!

— А ты как думал! Они ведь раз в жизни этим занимают-

ся, — снова фыркнул Джо. — Что и говорить, здорово у них это налажено: полиплодия и все такое прочее. Клянусь Красным Зверем! Вот если бы наш танасис мог так размножаться!

— А я могу еще и не так размножаться! — предложил Уайлд. — Было бы с кем.

— Эти белконтийки считают, что мы для них грубоваты, — усмехнулся Джо. — Так что придется тебе потерпеть до Мордена.

— Есть тут одна на острове Бертон, — сказал Уайлд. — Хорошенькая.

— Точно! — подхватил Кобб. — Вот чистик ее знает. Чистик, как ты думаешь, она согласится?

— Нет! — Крейг едва не раздавил чашку, которую держал в руке. — Она очень странная. Тихая такая... Но она добрая и порядочная!

— Наверное, чистик даже не попробовал. — Кобб подмигнул Джо. — Бывают такие тихони, которых только попроси...

— Вот я и попрошу! — крикнул Уайлд.

— Старина Борк явится к ней с двумя красными кружками на лбу, — осклабился Джо, — она сразу и опрокинется, а в стволе у ней уже будет полно масла!

— И удивится же старина Борк, когда узнает, что там уже побывал старина Кобб, у которого на лбу один-единственный кружок! — добавил Кобб.

Прозвучал сигнал к началу работы. Все встали; раздался стук переставляемых стульев и топот ног.

— Будешь работать в пивоварне, — приказал Уайлд Крейгу. — А в понедельник мы уже должны быть в поле.

Скорей бы в поле, подумал Крейг. База ему как-то вдруг опротивела.

Их новой работой было рассеивать пыльцу способного к транслокации танасиса. Работали они в тех районах Северного континента, где с воздуха видны серебристые прожилки на темно-зеленом фоне: это фитоны проникали в старые массивы танасиса. Полконтинента оказалось покрыто узором из остатков окружных стен; с воздуха они казались шрамами. Когда-то танасис одерживал здесь победы, но теперь местная флора брала реванш, и повсюду виднелись рощицы серебристых стволов. Уайлд заодно нанес на карту те окружные стены, которые надо будет взрывать во время следующей экспедиции.

Работа их на этот раз была тяжелой и грязной. Пыльца въедалась в тело — даже несмотря на черные защитные комбинезоны и шлемы. Костров не разводили и ели прямо из банок холодные консервы.

Через две недели они израсходовали запас пыльцы и отправились на остров Бертон. Полдня у них ушло на то, чтобы очиститься от пыльцы. Покончив с этим, Крейг пошел в ущелье.

Он встретил Мидори у пруда. Она только что искупалась. Платье из желтого ситца плотно облегало ее влажное тело, и с волос еще капала вода. Крейг постарался отогнать от себя мысль о том, что было бы, если б он пришел чуть раньше. В ушах у него звучал хриплый голос Кобба: «Бывают такие ти-

хони, которых только попроси...» Крейг потряс головой. К черту Кобба.

— Привет, Мидори! — сказал он.

Ее обнаженные руки и плечи были покрыты узором из маленьких фитонов — алых, золотистых, зеленых. Мидори обрадовалась ему, но когда он сказал, что они рассеивали пыльцу танасиса, она печально улыбнулась. Заметив, что ему самому на плечо сел фитон, Крейг решил сменить тему.

— И чего они к нам липнут? — спросил он. — Говорят, кровь сосут, но ведь никаких следов не остается!

— Они берут пробы, но так, что человек ничего не чувствует.

— Что ты говоришь... — Крейг стряхнул фитона с руки.

— Совсем крохотные пробы. Они нами интересуются.

— Едят нас, что ли? — нахмурился он. — Если они нас едят, может, и мы будем их есть? А еще можно давать их динотериям!

— Глупый! — Она топнула босой ногой. — Никто тебя не ест! Они просто хотят понять нас, а для этого им нужно узнать все про атомы, радикалы и так далее. — Мидори засмеялась. — Интересно, что они о нас думают? Наверно, им кажется, что человек — это гигантское семя. Или невероятно сложная молекула.

Мидори прикоснулась губами к маленькому серебристо-алому фитону, который сидел у нее на запястье. Тот перебрался ей на щеку.

— Вот так они пробуют с нами сосуществовать, — сказала она.

— И все равно иначе это не назовешь: они нас едят.

— Они только поглощают воду и солнечный свет. Они даже не понимают, как одно живое существо может пожирать другое! — Она снова топнула. — «Едят»! Что ты, это скорее похоже на поцелуй!

Крейг посмотрел на ее руки, плечи... Хорошо бы стать фитонном. Он глубоко вздохнул.

— Знаешь, Мидори, — сказал Крейг, — а ведь я не хуже фитонов целоваться умею.

— Правда, Рой?.. — Она опустила глаза.

— Еще как, — неуверенно сказал он. Руки у него вспотели и стали тяжелыми, словно два рюкзака. — Да, Мидори... — промямлил он. — И я хотел бы...

— Чего ты хотел бы, Рой? — тихо спросила она...

— В лагерь давай, в лагерь! — сверкая лошадиными зубами, к ним приближался Уайлд. — Тояма устраивает вечеринку.

Потом он смерил Мидори взглядом и присвистнул:

— До чего ж ты сегодня хороша, Мидори! Так бы и съел тебя!

— Благодарю вас, — холодно сказала Мидори.

По пути в лагерь Уайлд решил развлечь Мидори:

— Я знаю один белконтийский танец. Я уже сказал Тояме, что, если он сыграет, то мы с тобой для него станцуем. Только поедим сперва.

— Мне совсем не хочется танцевать, — сказала Мидори.

За обеденным столом Мидори сидела между Уайлдом и Коббом, а потом, в маленькой гостиной, тот и другой принялись му-

чить ее своими морденскими комплиментами. Крейг и Хелин сделали вид, что ничего не слышат. Сам Тояма, худой и хрупкий старик, переходил от одного гостя к другому, разливая подогретое вино. Крейг посматривал на Мидори. Раскрасневшийся Уайлд выкрикивал что-то зычным голосом и все время норовил прикоснуться к Мидори. Осушив очередной бокал вина, он вскочил на ноги.

— Выпьем! — рявкнул он. — Да здравствует очаровательная Мидори!

Мужчины встали и выпили. Бокал Уайлда хрустнул у него в руках. Один кусок он сунул себе в карман, а другой протянул Мидори. Мидори отрицательно помахала рукой. Уайлд осклабился.

— Да, — сказал он, — чуть не забыл! Мы теперь с вами будем каждый день видеться! Барим переводит вас на Базу. На той неделе наши ребята из лабораторий прилетят сюда, возьмут что им пригодится.

Тояма побледнел и выпрямился.

— Мы всегда думали, что остров Бертон останется неприкосновенным, — сказал он. — Ведь это уникальный центр изучения фитонов!

— А наше начальство, старина, всегда думало иначе.

Тояма беспомощно посмотрел на Мидори, потом на Хелин.

— Мы должны завершить некоторые исследования, — напомнил он. — Сколько времени вы нам дадите?

— Месяц, — пожал плечами Уайлд. — Или это слишком много?

— Совсем нет, напротив. — В голосе старика появились нотки гнева. — Почему нам нельзя остаться здесь хотя бы до прибытия корабля с Белконти?

— Ведь мы прожили здесь двадцать лет, — тихо добавила Хелин.

— Я попрошу Охотника, чтобы он разрешил вам остаться как можно дольше, — смягчился Уайлд. — Но Барим решил засеять этот остров, как только в теплицах получат чистую линию танасиса нового сорта. Здесь танасис еще не применялся, так что мы надеемся получить максимальный эффект.

Тояма кивнул. «Еще вина?» — спросил он, оглядывая гостей.

Потом Тояма играл, а Мидори танцевала с Уайлдом. Крейгу эта музыка показалась грустной. Было в ней что-то от пения фитонов.

Транслокация, это тебе не что-нибудь, ухмылялись парни из лабораторий. С нашими-то гибридами! Их свободные системы хорошо переносят колебания температуры, так что эти штучки у фитонов уже не пройдут. Индекс рекомбинации у них, у гибридов этих, такой, что закачаешься. Конечно, за один присест с фитонами не справиться. Ведь сейчас они все глубже проникают в районы, занятые старыми разновидностями танасиса. Эти паршивцы с Белконти давно уже должны были бы заняться транслокацией. А они все боялись, тянули, надеялись прибраться к рукам эту планету. Ну ничего, мы им покажем, как надо работать!

А Крейг и Джордан подружились по-настоящему. Однажды

после полудня Крейг сидел в прокуренном, похожем на пещеру баре и поджидал Джордана. За час до этого Крейг подстрелил в тире трех фанерных Красных Зверей, опередив Джордана на десять очков. Барим, который как раз в эту минуту зашел в тир, хлопнул Крейга по плечу и назвал его «твердым ружьем». От этого воспоминания Крейг расплылся в улыбке. А Джордан с проспороженным пивом уже приближался к нему, миновав копящуюся на вертеле свиную тушу и лавируя между столами, над которыми не смолкал многоголосый гам. Джордан торжественно поставил на стол из грубых досок четыре бутылки. Его круглое лицо сияло.

— Твое здоровье, охотник! — сказал он. — Сегодня ты отличился!

Крейг улыбнулся в ответ и сделал большой глоток.

— Голова у меня тогда словно в лед превратилась, — вспоминал он. — Чувство было такое, как будто это и не я стрелял.

Джордан выпил и утер рот тыльной стороной ладони.

— Вот так и бывает, когда стреляешь в Красного Зверя, — одобрил он. — Будто ты сам в ружье превращаешься.

— Расскажи, Джордан! Расскажи, как это?

— Такое не расскажешь. — Джордан посмотрел в потолок, почти скрытый клубами дыма. — Два дня ты не ешь. Потом проходишь специальные охотничьи обряды. И появляется такое странное чувство легкости. Ты даже не можешь вспомнить ни своего имени, ни своей семьи. А потом... — Руки Джордана сжались в кулаки, ноздри раздувались. — Потом... Вот он, Красный Зверь... все ближе... он становится все больше... он огромный, как мир... Во всем мире только он и я. — Джордан побледнел и закрыл глаза. — Вот оно! Вот! — Он вздохнул и посмотрел на Крейга. — Когда я стрелял в него, я чувствовал то, что ты сегодня почувствовал в тире. Словно это не я стреляю. Только то был не тир... Я будто сам чувствовал, как мои пули входили в его тело. И все-таки я выстрелил еще раз.

Крейг слышал глухие удары своего сердца.

— А тебе было страшно? — спросил он, подавшись вперед. — Ну хоть самую малость?

— Тут ты уже ничего не боишься, ведь ты сам стал Красным Зверем. — Джордан тоже подался вперед и перешел на шепот. — Ты словно чувствуешь, как в тебя входят твои же пули, и с тех пор просто не можешь бояться. Это как ритуальный танец. Ты вдруг понимаешь, что уже миллион лет танцуешь с Красным Зверем. И потом этот танец продолжается где-то у тебя внутри. До самой смерти.

Джордан опять вздохнул, взял еще одну бутылку и откинулся назад.

— Мне часто снится эта охота, — сказал Крейг. Его руки дрожали. — Просыпаюсь в поту. Страшно все-таки. Но заявления в Охотничий университет я уже подал. Отправил по почте — на том самом корабле, на котором ты сюда прилетел.

— Ничего, Крейг, ты пробьешься. Слышал, как Охотник назвал тебя «твердым ружьем»?

Крейг снова улыбнулся.

— Вроде да. Я подумал, может, мне только показалось?..

— А вот и Джордан! — сказал кто-то громким жизнерадостным голосом. — Смотри, Джордан, штаны просидишь!

Это был лысый биолог Джо Брин, сжимавший в волосатых руках шесть бутылок пива. За ним шел Сидис. Джо поставил бутылки на стол.

— Это Сидис, — пояснил он. — На Белконти я без него и шагу не мог ступить.

— Сидиса я давно знаю, на окружных стенах с ним работал, — сказал Джордан. — Привет, Сидис. Ты никак растолстел?

— Привет, Джордан. Привет, Рой, — улыбнулся Сидис. — Давно вас не видел.

Джо и Сидис сели. Джо откупорил бутылки.

— Мы сейчас почти все время в поле проводим, — сказал Крейг.

— У вас еще прибавится работы, — пообещал Джо. — Скоро вся планета будет охвачена транслокацией. Надо только получить чистую линию. До этого уже недалеко. Спросите Сидиса: у нас что ни день, то открытие.

— Вы их выводите, мы их сажаем, — сказал Джордан. — Правильно я говорю, Крейг?.. Слушай, Сидис, бросай ты эти лаборатории! Пусть Джо там возится, а ты давай с нами, на окружные стены!

— Нет, в лабораториях сейчас очень много интересного, — отказался Сидис. — Мы сделаем на этом карьере. Если, конечно, Джо с его друзьями не погубят нас всех вместе с планетой, прежде чем мы опубликуем результаты исследований.

— Да ну их, ваши лаборатории! То ли дело в поле! Верно, Крейг?

— Верно, — согласился Крейг. — Лучше иметь дело с фитонами. Чище как-то. Они же все поглощают: грязь всякую, гниль...

— Будь я проклят! — Джо фыркнул и стукнул о стол бутылкой. — Тебе нельзя давать пива, чистик, ты сразу поэтом становишься. Хотя вообще-то ты правду говоришь: они пожирают собственное дерьмо и своих дружков, когда те помрут. Напиши об этом стишок!

Знакомый бессильный гнев овладел Крейгом.

— На этой планете все живое живет вечно, — тихо сказал он. — А поглощают они только воду и солнечный свет.

— Поглощают воду, а гадят гелием, — заржал Джо. — Я недавно читал старые отчеты. Один здешний ветеран — Тояма его зовут — пишет, что они могут расщеплять ядро водорода.

— Могут, — подтвердил Сидис, — это доказано. А расти они могут и ночью, и под землей, и в зимние месяцы. Если отвлечься от ситуации, то нельзя не признать, что они по-своему замечательны.

— Черт возьми, да ты у нас тоже поэт! — продолжал веселиться Джо. — Ну да, ведь все белконтийцы поэты.

— Далеко не все, — вздохнул Сидис. — Ах, если б у нас было побольше поэтов... Ты, Рой, не забыл, о чем мы с тобой говорили?

— Я не поэт, — ответил Крейг. — Я рифмовать не умею.

— Крейг у нас в порядке. Сегодня утром в тире Барим на-

звал его «твердым ружьем». — Джордан явно хотел сменить тему. — Кстати, Джо, этот ветеран, о котором ты говоришь, все еще здесь. Он работает на острове Бертон. Нам приказано эвакуировать его на Базу, когда мы в следующий раз отправимся в поле.

— Клянусь Зверем! — воскликнул Джо. — Значит, он провел здесь не меньше двадцати лет! Как же он это выдержал?

— Ну, он здесь с женой... — сказал Джордан. — Да вот Крейг здесь третий год — и ничего, выдерживает.

— Поэтом становится, — хихикнул Джо. — Знаешь что, чистик, отправляйся домой ближайшим рейсом, пока ты еще хоть немного на человека похож.

Когда Крейг пришел к Мидори, она была одна. Ее комната выглядела голой. Она уже сложила и увязала свои картины. Книги и одежда тоже были собраны. Мидори улыбнулась Крейгу, но как-то устало и грустно.

— Жалко мне покидать этот остров, Рой. И не хочется даже думать о том, что вы с ним сделаете.

— Я никогда не думаю о своей работе. Думаю только, что так надо. Тебе помочь собраться?

— Нет, я уже готова... А Барим, оказывается, не дает нам транспорта, чтобы вывезти контейнеры с образцами. Тояма этого не перенесет.

Она чуть не плакала. Крейг кусал губы.

— Черт, да ведь мы же пятьдесят тонн можем увезти! — сообразил он. — И места в гравиплане полно. Хочешь, я поговорю с Уайлдом?

Она вцепилась ему в рукав.

— Правда, Рой, ты можешь? Дело в том, что я... мне не хочется его ни о чем просить. А контейнеры там, у лаборатории.

После ужина у Тоямы Крейг решил, что настал удобный момент. Уайлд как раз оставил в покое Мидори и вышел с бокалом вина подышать свежим воздухом. Крейг вышел следом и заговорил с ним о контейнерах. Уайлд слушал его и смотрел на небо, где среди звездной россыпи парили обе луны.

— А что там, в этих контейнерах? — спросил Уайлд.

— Там образцы, диапозитивы и всякое такое. Для них это все равно что картины для художника.

— Вообще-то мне приказано уничтожить это барахло, — зевнул Уайлд. — Ну да черт с ними! Если тебе не лень, можешь затащить их в гравиплан. — Уайлд хихикнул. — Я уже почти уговорил Мидори пройтись со мною к пруду напоследок. Пойду скажу ей, что ты грузишь контейнеры. — Он толкнул Крейга локтем. — Как считаешь, это на нее подействует?

Крейг перетаскал в гравиплан контейнеры (их было не меньше восьмидесяти), привязал их ремнями и поднял гравиплан в воздух футов на сто, чтобы проверить, все ли в порядке. Через боковое стекло он увидел, как Уайлд и Мидори вышли из дома Тоямы и направились к ущелью. Одной рукой Уайлд обнимал ее за плечи. Крейг посадил машину и вернулся к дому Тоямы, но у него не было настроения веселиться вместе со все-

ми. Он целый час шагал взад-вперед перед домом, полный тоски и злости. Наконец веселая компания вывалилась из дома наружу, о чем-то споря.

— Эй, Крейг! А мы тебя ищем! — Джордан хлопнул его по плечу. — Я только что поспорил с Коббом, что завтра в тире ты разделаешь его в пух и прах, как меня разделал. Старине Коббу придется угостить нас пивом, верно?

— Черта с два, — ухмыльнулся Кобб.

— Для Крейга это все равно что подстрелить птичку в клетке, — подзадоривал Джордан. — Пошли спать, Крейг. Завтра ты должен быть в форме.

— Я не хочу спать, — рассердился Крейг.

— Наверно, Борк уже подстрелил одну птичку в клетке, — сказал Кобб.

Все, кроме Крейга, засмеялись.

Утром, ведя гравиплан на Базу, Крейг слушал, как Уайлд в салоне распевает песни и всячески веселится. Видимо, он еще не успел протрезветь. Настроение Уайлда было таким приподнятым, что он даже помог своим подчиненным дотащить контейнеры до тех домов, где жили белконтйцы. Крейг как и не успел поговорить с Мидори. Впрочем, ему не слишком этого хотелось. А днем в тире Кобб обставил его на несколько очков. Джордан пытался его утешить, но Крейг напился до бесчувствия. На следующее утро он проснулся оттого, что Джордан тряс его за плечо:

— Да просыпайся же ты! Мы снова летим на остров Бертон, прямо сейчас. Борк с тебя шкуру спустит, если увидит, что ты еще не встал. Вчера поздно вечером он отправился к белконтйцам и вернулся злой, как сатана.

Когда Крейг посадил гравиплан на острове Бертон, его все еще подташнивало и голова кружилась. Черный защитный комбинезон он надел еще на Базе. Чистая линия танаснса, способного к транслокации, была уже получена, и они привезли с собой большой груз семян.

Они вышли из гравиплана. Уайлд был мрачнее тучи.

— Джордан с чистиком займутся ущельем, — приказал он. — Засеять до самого водопада.

— Но ведь мы, кажется, собирались засеять самые высокие места, где больше солнца, — удивился Джордан. — А там, в ущелье, тень.

— Делай, что тебе сказано! — Уайлд сверкнул своими великолепными зубами. — Райс, Кобб, Уилан — вон к тем домам!

Когда семена кончились, Джордан и Крейг присели отдохнуть на кварцевую глыбу у пруда. Только теперь Крейг огляделся по сторонам. В воздухе, вереща, танцевали фитоны. Проходя сквозь рощу деревьев, покрывавшую крутой склон, золотой солнечный свет становился серебристым, и казалось, что по кварцевым прожилкам скалы и струям водопада блуждают лунные блики.

— А красиво здесь все-таки! — сказал Джордан. — Прямо душа радуется. Надо будет потом устроить здесь охотничий лагерь.

— Пошли, — поторопил его Крейг. --- Наверно, нас ждут.

На следующее утро, поднимая гравиплан в воздух, Крейг посмотрел вниз на покинутую станцию. При виде домика Мидори ему стало как-то тоскливо и совестно.

Танасис начал мутировать прямо на Базе, и его новая свободная система стала причиной шести смертей, прежде чем они нашли способ иммунизации. А потом, по недосмотру биологов, весь запас семян танасиса, способного к транслокации, был уничтожен вирусом-убийцей. Для группы Уайлда это означало передышку, что оказалось весьма кстати после нескольких месяцев тяжелой работы. Но атмосферу на Базе никак нельзя было назвать жизнерадостной. Биологи-морденцы поговаривали о саботаже белконтийцев — и пили, много и угрюмо.

В первый же свободный день Крейг отыскал Мидори и сказал ей, что он к ее услугам — вместе с небольшим спортивным гравипланом. Вскоре они уже летели над морем. На Мидори была белая блузка, перламутровое ожерелье и желто-голубая расклешенная юбка. Мидори казалась печальной, безучастной и даже какой-то сонной. Крейг сразу же забыл о своей обиде, и ему очень захотелось ее развеселить. Он поднял машину на высоту одной мили и взял курс на юг.

— Тебе очень идет эта юбка, — сказал Крейг. — Ты в ней — вылитый фитон.

Она слабо улыбнулась.

— Бедные мои фитоны. Я так без них тоскую... Куда мы летим, Рой?

— На Остров Зверя. Я хочу показать тебе Красного Зверя.

— Я хотела бы на него взглянуть... — И вдруг она вскрикнула и схватила его за руку. — Посмотри на небо! Вон там, вон там, правее!

Крейг заметил в безоблачном небе переливающееся многоцветное пятно.

— Фитоны мигрируют, — объяснил он. — Мы часто видим такие стаи.

— Да, да, я знаю. Давай подлетим поближе. Ну пожалуйста, Рой!

Вскоре они подлетели к золотисто-зеленому облаку. Это были мириады переливчатых фитонов, летевших с пассатом на северо-запад.

— Какая красота! — воскликнула Мидори. Ее глаза сверкали. — Рой, мы можем войти в это облако?

Вот точно такое же лицо у нее было в ущелье, когда она стояла за мольбертом, подумал Крейг. Такой она ему особенно нравилась. Он направил гравиплан внутрь облака и отрегулировал скорость так, чтобы лететь вместе с фитонами. Теперь им казалось, что гравиплан повис в воздухе. Их окружали разноцветные фитоны; и земля, и море, и небо скрылись из виду. У Крейга закружилась голова, ему стало не по себе. Он придвинулся к Мидори. Она опустила стекло, и кабина наполнилась щебетом и пряным запахом.

— Какие же они красивые! — воскликнула Мидори. — Ты понимаешь, Рой, ведь у них нет глаз! Мы должны видеть их красоту, раз они сами не могут видеть.

Она засвистела, подражая щебету фитонов. Ей на ладонь опустился фитон, окрашенный в алый, серебристый и зеленый цвета, и она просвистела ему что-то. Бархатные крылья фитона вздрогнули. Крейг поерзал в кресле.

— Это что, твой знакомый? — спросил он.

— Нет. Но он чувствует, что я его люблю.

— Любишь? Не знаю, как их можно любить... — нахмурился Крейг. — Нет, такая любовь не по мне.

Мидори оторвалась от фитона и посмотрела Крейгу в глаза. — А какая любовь по тебе?

— Ну, когда любишь кого-то, то... стараешься защитить этого человека, сделать для него что-нибудь. — Он покраснел. — А что можно сделать для фитонов?

— Перестать их истреблять, — тихо сказала она.

— Не надо, Мидори. Я стараюсь об этом не думать. Я просто знаю, что так надо.

— Это пустая затея. Видишь, какие они разноцветные? А То-яма говорит, что раньше почти все фитоны были просто зеленые. Эти новые цвета и рисунки появились у них, пока они искали способы борьбы с танасисом. — Они обладают удивительным биохимическим интеллектом, по сравнению с которым наш разум — ничто. Это облако — мысль-послание. Вдумайся, Рой. Тебе не жутко?

— Не без того. — Крейг почему-то отодвинулся от Мидори. — Я не знал, что они так сильно изменились.

— Все слишком быстро покидают эту планету и ничего не успевают заметить. Никто даже не хочет посмотреть и подумать. — Ее губы задрожали. — Ты только представь себе, как фитоны страдали все эти годы, пока люди старались их уничтожить! И как они изменились! А что, если они вдруг... поймут, что происходит?

У Крейга по спине побежали мурашки. Это благоухающее и щебечущее облако фитонов показалось ему замкнутой вселенной, где такие понятия, как место, время и движение, были лишены смысла. И он не мог взглянуть Мидори в глаза.

— Ерунда! Эта планета принадлежит Красному Зверю! — отрезал он. — Мы все равно победим. По крайней мере до Базового острова и Острова Зверя они никогда не доберутся. Их семена не могут плавать.

Она смотрела ему в глаза то ли с мольбой, то ли с немым вопросом. Крейг не мог этого вынести. Он опустил глаза.

— Прогони эту тварь! — приказал он. — И подними стекло. Мы летим дальше.

Через полчаса их гравиплан повис над Островом Зверя — над самой настоящей зеленой травой и вполне мирными на вид дубовыми рощами. Крейг нашел Красного Зверя и направил на него оптический прибор. На экране было хорошо видно, как Зверь поймал и загрыз буйвола. Мидори ахнула.

— Десять футов в холке. Четыре тонны, и прыгает, как кошка. — Крейг очень гордился Зверем. — Вот эта рыжая шерсть — жесткая, как проволока. А те синеватые пролысины — твердые, как броня.

— У него же такие зубы — неужели этого мало, чтобы убивать тех животных, которыми он питается? — спросила Мидори. — Зачем ему еще эти страшные рога и когти? Какие у него могут быть враги?

— Враги? Его же сородичи. И люди. Здесь, на этой планете, наши парни будут охотиться на него, чтобы стать мужчинами. И наши мужчины будут на него охотиться, чтобы вылечить свои души.

— Слушай, а ведь ты любишь его, правда? Ты и вправду поэт... — Мидори все еще не могла оторваться от экрана. — Он действительно красивый — яростный, страшный... Но женщины не любят такую красоту.

— Его рык сотрясает планету! Чтобы убить его, нужно четыре точных попадания. Когда он с ревом несется на тебя, то кажется, что солнце погасло!.. Будь уверена, Мидори, все это у меня впереди!

— Но ведь ты можешь погибнуть!

— Это лучшая из смертей. Наши предки-колонисты выходили на него с луком и стрелами. И даже в наши дни бывает, что священный отряд морденцев идет охотиться на Красного Зверя с копьями и стрелами.

— Да, я читала о священных отрядах... Наверно, это у тебя в крови, и ты просто ничего не можешь с собой поделывать.

— А я не собираюсь ничего с собой делать. Войти в священный отряд — высшая честь для мужчины... Но ты хоть старайся понять. Спасибо.

— Я очень хочу понять. Правда, Рой! Знаешь, я думаю, вы просто не можете поверить в свое мужество до тех пор, пока не встретитесь с Красным Зверем.

— Женщинам этого не понять, — сказал Крейг. — Девочка все равно станет женщиной, а вот мужчина должен сам себя сделать. Я могу получить свое мужество только от Зверя. Сначала мы поем песни и делаем всякие штуки с огнем и солью, а потом тебе дают съесть кусочек сердца Красного Зверя... Но я не хочу об этом рассказывать. Ты будешь смеяться.

— Мне плакать хочется, Рой. — Ее взгляд был очень странным. — Смелость бывает разной. Ты гораздо смелее, чем думаешь. Ты должен искать свою смелость в своем сердце, а не в сердце Зверя.

— Не могу... — Он отвел взгляд в сторону. — Пока не встречу с Красным Зверем, я буду чувствовать себя пустым местом.

— Давай вернемся домой. А то я заплачу. — Она закрыла лицо руками. — Ведь я совсем не смелая.

Они не обмолвились ни словом до самой Базы. Крейг помог ей выйти из гравиплана. Он заметил, что Мидори и вправду плачет. Она на мгновение прижалась лицом к его груди; от ее волос исходил пряный запах облака фитонов.

— Счастливо, Рой, — еле слышно шепнула она.

Потом повернулась и побежала прочь.

Их отправили в поле, и Крейг так и не успел повидаться с Мидори еще раз. Работы у них теперь было много. Они взры-

вали окружающие стены и засеивали танасисом те районы, где, по плану, должна была начаться транслокация. Впрочем, Крейг рад был выбраться с Базы: уж очень там все стало угрюмо. На Северном континенте, где они работали, темно-зеленое царство танасиса было испещрено изумрудно-багрово-серебристыми пятнами — островками местной флоры. Другие группы сообщали, что на Южном и Большом континентах ситуация ничуть не лучше. Уайлд рычал на всех с утра до ночи. Кобб ругался последними словами из-за каждого пустяка. Даже остроумие неунывающего Джордана иссякло. Однажды ночью Крейг слышал сквозь сон, как Уайлд, говоривший по радио, громко о чем-то переспрашивает. Потом, выругавшись, Уайлд вышел из гравиплана и поднял на ноги весь лагерь.

— На Базовом острове полно фитонов! И деревья эти серебряные там всюду вырастают!

— Клянусь когтями Красного Зверя. — заорал мгновенно проснувшийся Джордан. — Как же они туда добрались?

— Ублюдки белконтийцы посеяли их семена! — сказал Уайлд. — Барим уже арестовал всех этих недоносков по закону охоты.

Кобб начал ругаться — тоскливо и монотонно.

— Паршивое дело! — присвистнул Джордан.

— Мы убьем их голыми руками, — пообещал Уайлд. — Быстро посеем те семена танасиса, что у нас остались, и полетим на Базу. Там нужна наша помощь.

Крейг от этих новостей чувствовал себя отупевшим и никак не мог в них поверить. В полдень он посадил гравиплан на Базе, на закопченной земле у пусковой установки спасательной ракеты. Уайлд быстро привел себя в порядок и отправился к Бариму, а остальные стали обрабатывать гравиплан. Потом они надели чистую хлопчатобумажную одежду и прошли через коридор со специальным излучением. Уайлд ждал их у выхода.

— Иди за мной, чистик! — рявкнул он.

Он привел Крейга к дому из серого камня на краю поля, толкнул его внутрь и со словами «вот, Охотник, это тот самый чистик» прикрыл за собой дверь.

По каменным стенам были развешаны ружья, луки и стрелы. Верховный Охотник, дородный седой человек, стриженный ежиком, сидел за деревянным столом напротив двери; его лоб украшали четыре красных кружка. Он встретил Крейга холодным взглядом и указал ему на стулья, выставленные в ряд напротив стола. Крейг сел на тот стул, что был ближе к двери. Во рту у него пересохло.

— Сообщаю тебе, Рой Крейг, что ты на суде, где по закону охоты будет решен вопрос о твоей жизни и чести, — жестко сказал Барим. — Поклянись кровью Красного Зверя, что будешь говорить правду.

— Клянусь кровью Красного Зверя, что буду говорить правду!

Крейг вспотел. Собственный голос показался ему фальшивым.

— Что бы ты сказал о человеке, который предал наш проект уничтожения фитонов? — спросил Барим.

— Это охотничья измена. Он был бы вне закона.

— Очень хорошо. — Барим подался вперед, и его серые глаза впелись в Крейга. — Повтори, что ты ответил, когда Борк Уайлд спросил тебя о грузе, который вы перевезли с острова Бертон на Базу?

У Крейга перехватило дыхание.

— Там были диапозитивы, образцы, всякие научные штуки.

Барим стал подробно расспрашивать его о контейнерах. Крейг отчаянно старался говорить правду, не упоминая при этом имени Мидори. Но Барим вытянул из него ее имя и стал задавать вопросы о ее взглядах и наклонностях. Крейгу стало так страшно, что он едва держал себя в руках. Глядя Бариму в глаза, он честно отвечал на вопросы, но не говорил ничего такого, что могло бы опорочить Мидори. Наконец Барим отвел взгляд в сторону и хлопнул ладонью по столу.

— Ты что, паренек, влюблен в эту Мидори? — спросил он.

Крейг уставился в пол.

— Я не знаю, Охотник, — промямлил он (и подумал с отчаянием: ну разве можно знать наверняка, что ты влюблен?). — Я... я люблю быть с ней вместе... но я никогда не думал... в общем, мы очень дружны. — Он с трудом сдержался. — Едва ли я влюблен.

— Базовый остров засеян семенами фитонов, — сказал Барим. — Кто это сделал?

— Но ведь они и сами могли прилететь... — Крейг не решился посмотреть Бариму в глаза.

— Была ли Мидори Блейк морально готова к тому, чтобы привезти сюда эти семена и посеять их?

— Морально?.. Как это — морально?

— Хватило бы у нее смелости решиться на такой поступок?

У Крейга замерло сердце. Наконец он поднял взгляд.

— Нет, Охотник! — сказал он. — Я никогда не поверю, что Мидори на такое способна!

Барим мрачно усмехнулся и снова ударил ладонью по столу.

— Уайлд! — крикнул он. — Введи их!

Первой вошла Мидори — в белой блузке и черной юбке, бледная, но спокойная. При виде Крейга она слабо улыбнулась. За ней вошла худая и стройная Милдред Эймс в белом, а потом — хмурый Уайлд. Он сел между Крейгом и Эймс, Мидори — с краю.

— Мидори Блейк, ваш приятель и в самом деле был вами одурячен, здесь я вам верю, — сказал Барим. — Собственно говоря, после вашего признания суд можно считать оконченным. Осталось вынести приговор. Я еще раз прошу вас объяснить, зачем вы это сделали.

— Вы все равно не поймете, — сказала Мидори. — Вам хватит того, что вы уже знаете.

Ее голос был тихим, но твердым. Крейга охватил ужас.

— Пока я не вижу никаких смягчающих обстоятельств, — сказал Барим. — Я должен знать ваши мотивы. Это вам же необходимо. Может быть, вы ненормальны?

— Я нормальна. И вы это знаете.

— Да. — Барим слегка ссутулился. — Тогда придумайте

какую-нибудь причину. — Его голос стал почти умоляющим. — Скажите, что вы ненавидите Морден. Или меня.

— Почему я должна кого-то ненавидеть? Мне жаль вас всех.

Милдред Эймс поднялась с места. Ее лицо пылало.

— Вам нужна причина? — сказала она. — Пожалуйста! Ваш безответственный приказ о применении транслокации — вот причина! Жить здесь стало смертельно опасно. Теперь вы должны признать свое поражение и покинуть планету!

Но она лишь помогла Бариму вновь обрести самообладание. Верховный Охотник улыбнулся.

— Сядьте, пожалуйста, — спокойно сказал он. — Через три месяца за вами придет корабль с Белконти, и вы снова окажетесь в безопасности. А мы не признаем поражений и не боимся смерти. И не ждем, что кто-то будет нас оплакивать.

Эймс села, всем своим видом выражая протест и негодование. Барим перевел взгляд на Мидори. Выражение его лица стало непроницаемым.

— Мидори Блейк, вы виновны в охотничьей измене, — сказал он. — Вы оказали враждебным существам помощь в их борьбе с людьми. Если вы не дадите этому такого объяснения, которое можно было бы назвать человеческим, я вынужден буду заключить, что вы не считаете себя человеком.

Мидори молчала. Крейг украдкой посмотрел на нее. Она сидела прямо, сложив руки на коленях. В ней не было никакого вызова. Барим встал.

— Хорошо, — сказал он. — Я объявляю вас, Мидори Блейк, вне закона. С этой минуты вы отлучены от человеческого общества. Но вы женщина, и родом вы не с Мордена. Поэтому я смягчаю приговор. Вас перевезут на Остров Зверя и оставят там, отобрав у вас все, сделанное человеческими руками. Но растения на этом острове земные. Вы сможете питаться их ягодами и корнями, то есть вас будут поддерживать земные формы жизни, хотя вы их и предали. Если вы доживете до того дня, когда придет корабль с Белконти, то полетите на нем домой. Хотите что-нибудь сказать, прежде чем приговор будет приведен в исполнение?

Охотник Барим побледнел, и четыре красных кружка резко выделялись на его лице. Крейг не выдержал наступившей тишины. Он вскочил и закричал:

— Нельзя этого делать, Охотник! С ней нельзя так! Она слабая! Она не знает наших обычаев!

— Молчать, нытик несчастный! — Уайлд ударил его по лицу и, схватив за плечи, усадил на место.

— Тихо! — пророкотал Барим. Уайлд сел, тяжело дыша.

— Я знаю ваши обычаи, — сказала Мидори. — И вашего снисхождения мне не нужно. Отвезите меня на остров Бертон.

— Одумайся, Мидори! — воскликнула Эймс. — Ведь там нечего есть! И там же танасис — он тебя убьет!

— И вы тоже не понимаете меня, Милдред... — сказала Мидори. — Так что же, Охотник, моя просьба будет исполнена?

Барим оперся руками о стол.

— По закону я должен ее исполнить, — хрипло сказал он. —

Я гляжу на вас, Мидори Блейк, и мне, Охотнику Бариму, становится страшно.

Потом он выпрямился.

— Тебе, Уайлд, поручается исполнение приговора. — Голос Барима вдруг стал бесцветным.

Уайлд поднялся и заставил встать Крейга.

— Передай всем, чтобы немедленно собрались у гравиплана. В защитных комбинезонах. Живее, чистик! Двигайся!

Едва переставляя ноги, Крейг вышел из серого дома. Уже темнело.

Базовый остров остался позади, и Крейг на полной скорости вел гравиплан на северо-запад. Они догнали солнце, и для них снова наступил день. В салоне, у Крейга за спиной, стояла пронизанная болью тишина. Он подался вперед, словно подталкиваемая гравиплан. Крейг старался ни о чем не думать. То, что происходит, должно произойти. Он знал это, но смириться не мог. Ему казалось, что прошла целая бесконечность, прежде чем они достигли острова Бертон. Крейг резко посадил гравиплан у домов покинутой станции. Они вышли наружу — мужчины в черных защитных комбинезонах и Мидори в блузке и юбке. Она спокойно стояла в стороне и смотрела на свой домик над обрывом. Вдоль всех тропинок уже поднялась темно-зеленая поросль танасиса — по колено человеку,

— Развязать ранцы. Взорвать все здания, — приказал Уайлд. — А ты, чистик, пойдешь со мной.

Он привел Крейга к дому Мидори и приказал ему закапывать в землю взрывные устройства через каждые три фута вдоль фундамента. Хотя и одного было бы вполне достаточно. — Охотник не отдавал такого приказа, — сказал Крейг. — Разве нельзя хотя бы оставить ей ее дом?

— Дом ей не понадобится. Танасис убьет ее еще до рассвета.

— Тогда пусть Мидори умрет в этом доме. Она очень его любила.

Уайлд невесело улыбнулся.

— Она вне закона, чистик. Ты же знаешь, что это значит: у нее не должно быть ничего сделанного человеческими руками.

Крейг стиснул зубы и склонил голову. Пока он закапывал взрывные устройства, Уайлд что-то фальшиво насвистывал. Потом они вернулись к гравиплану. Джордан доложил Уайлду, что все дома подготовлены к взрыву. Круглое и обычно жизнерадостное лицо Джордана было угрюмым. Мидори стояла неподвижно. Крейг хотел попрощаться с нею, но знал, что не сможет вымолвить ни слова. Разве что завоет, как собака. Ее легкая улыбка была такой странной, что казалось, будто Мидори уже перенеслась в другой мир, на миллион световых лет удаленный от Роя Крейга.

— Мы поднимемся в воздух и взорвем дома, — сказал Уайлд. — Если кто-то останется на этом месте, то будет убит взрывом.

Кобб недобро смотрел на Мидори своими крысиными глазками.

— Сперва надо забрать всю ее одежду, — сказал Кобб. — Ты знаешь закон, Борк, — «ничего сделанного человеческими руками».

— Верно, — согласился Уайлд.

Мидори сняла блузку. Она смотрела Уайлду прямо в глаза. Взгляд Крейга заволокло красным туманом, и больше он ничего не видел.

— Ранцы в гравиплан! — приказал Уайлд. — И сами туда же! Быстрее, сукины дети!

Крейг сел в пилотское кресло и сквозь боковое стекло увидел Мидори, идущую по тропинке к ущелью. Она шла так беззаботно, словно собралась к пруду на этюды. Танасис хлестал ее по голым ногам. И Крейгу казалось, что он видит, как вздуваются красные рубцы, и сам чувствует ее боль. Крейг включил мотор и поднял гравиплан в воздух. Когда Уайлд взрывал дома, он не смотрел вниз.

Окруженный воющей адской пустотой, Крейг вел гравиплан к Базе, на юго-запад, прочь от солнца. Вскоре их окутала ночь.

Морденцы боролись за Базовый остров, применяя химикалии, огнеметы и даже мотыги, но фитоны явно одерживали верх. Крейг отупел от усталости, и это помогало ему спастись от собственных мыслей. Под землей с непостижимой быстротой распространялись корни серебряных деревьев. Новые деревья вырастали, как головы гидры: каждый день их число удваивалось. Новорожденные фитоны (размером не больше ногтя) весело кружились над островом. Однажды Крейг увидел, как коренастый биолог Джо Брин гонялся с топором за пляшущими в воздухе фитонами, ругаясь на чем свет стоит.

Барим, мрачный, как туча, отдал приказ: выстроить новый лагерь на Острове Зверя, а Базовый остров засеять танасисом. Крейга отправили на постройку нового лагеря, и однажды во время работ он свалился без чувств. Когда Крейг пришел в себя, то увидел голые стены маленькой больничной палаты. Значит, его перевезли обратно на Базу. Пришел врач-морденец, взял у Крейга кровь на анализ и задал несколько вопросов. Крейг признался, что уже несколько дней чувствовал тошноту и боль в суставах.

— Я работал, как проклятый, — оправдывался Крейг. — До меня как-то и не дошло, что это у меня болезнь началась.

— Зато теперь до вас до всех это дошло, — проворчал врач. — У меня тут двадцать человек таких.

Врач нахмурился и вышел из палаты. Крейг заснул. Во сне он убегал от женских глаз. Время от времени врачи будили его, давали таблетки, делали с ним что-то, и он снова засыпал. И снова перед ним вставал Красный Зверь. Зверь смотрел на него загадочными женскими глазами. Утром следующего дня Крейг проснулся и увидел, что в его маленькой палате, у окна, теперь стоит еще одна кровать и на ней лежит Джордж Тояма. Тояма улыбнулся Крейгу.

— Доброе утро, Рой, — сказал он. — Не лучшее место для встречи мы с тобой выбрали.

Тояма рассказал, что многие слегли и не меньше десяти человек уже мертвы. Белконтийцы вернулись в лаборатории и работают день и ночь, чтобы найти возбудителя и переносчика болезни. А Крейгу хотелось есть, и голова у него болела. Все остальное его почему-то не волновало. Слово сквозь дымку он увидел, как Милдред Эймс прошла мимо его кровати и остановилась у кровати Тоямы. Она взяла Тояму за руку:

— Ну вот, Джордж, мы нашли то, что хотели найти.

— Похоже, Милдред, ты не очень-то этому рада, — сказал Тояма.

— Да, я не очень этому рада. Сегодня ночью я закончила фазовый анализ. Джордж, это то самое, чего мы боялись.

— Понятно. — Голос Тоямы не дрогнул. — Все как на планете Фрао. Времени у нас осталось немного. Я хотел бы провести его с Хелин.

— Конечно, — сказала Эймс. — Это я устрою.

В коридоре раздались быстрые тяжелые шаги.

— А, Милдред! Вас-то я и ищу!

Фигура Барима заняла почти весь дверной проход. Одет он был в кожаный охотничий костюм. Эймс обернулась.

— Я слышал, вы нашли вирус-возбудитель, — сказал Барим.

— Да, нашли, — невесело улыбнулась Милдред Эймс.

— Так как с ним бороться? Уже двенадцать человек умерли. Что мне надо делать?

— Из ружья стрелять... Это свободная система танасиса, которая достигла второй степени относительной свободы. Вам это о чем-нибудь говорит?

Тяжелая челюсть Барима щелкнула, как капкан.

— Нет, не говорит, но по вас я вижу. Это вроде чумы, да? Она кивнула:

— И никакой комбинезон не поможет. Лечение невозможно. Мы все заражены.

Барим покусал губу, молча глядя на Эймс. Потом произнес:

— Не повезло, что и говорить. Не стоило вам тащиться с нами на эту планету... Я прикажу вывести спасательную ракету на орбиту, чтобы она транслировала послание-предупреждение. Это спасет ваш корабль, когда он приблизится к планете. Корабль повернет домой, на Белконти, а там уж ваше правительство оповестит весь сектор галактики. — Полуулыбка смягчила грубые черты его угрюмого лица. — Ну что же, Эймс, можете ткнуть меня носом в это дело. Можете сказать, что вы меня предупреждали.

— Зачем? — Она слегка откинула голову назад. — Жалко мне вас, морденцев. Ведь вам всем придется умереть самым жалким образом. Будете хныкать и звать свою мамочку. Большого позора для вас и не придумаешь, верно?

— Радуетесь? — Барим по-прежнему улыбался. — Да нет, Эймс, все будет не так. Я целую ночь не спал, думал. Я так и чувствовал, что это конец. Сейчас мои ребята куют наконечники для стрел. Мы составим священный отряд и умрем в схватке с Красным Зверем! — теперь он говорил глухим голосом, и его глаза сверкали. — Мы будем идти из последних

сил, будем ползти, будем тащить на себе больных и раненых. Но мы умрем, как мужчины!

— Как дикари! Не делайте этого! — Она с мольбой протянула к нему руки. — Простите мне мою издевку, Барим. Мне очень нужна ваша помощь, все ваши люди и весь транспорт. Если мы сделаем все возможное, то некоторые из нас могут спастись.

— Как? — прорычал Барим. — Ведь на планете Фрао...

— Ваша колония на планете Фрао могла рассчитывать только на свои собственные силы. Но фитоны, я уверена, уже нашли средство борьбы с этой эпидемией. Нам такого средства не найти никогда. — Ее голос задрожал. — Помогите мне, Барим, прошу вас! Если бы нам удалось найти тот район планеты, где фитоны уже победили болезнь, и выяснить, как они это сделали...

— Нет, — отрезал Барим. — Слишком много возни. С жалобным писком убежать от смерти — это недостойно. Я предпочитаю идти напрямик.

Милдред Эймс снова откинула голову назад.

— Как вы смеете осуждать своих людей на смерть, даже не поговорив с ними? — сказала она звенящим голосом. — Может быть, они захотят драться за свою жизнь!

— Вы их не знаете! — Барим наклонился к Крейгу и встряхнул его за плечо; это была своего рода грубая ласка. — Вот ты, парень! Ты встанешь и пойдешь на охоту вместе со священным отрядом, верно?

— Нет, — сказал Крейг.

Он с трудом оторвал голову от подушки и сел, опершись о кровать дрожащими руками. Эймс улыбнулась и потрепала его по щеке.

— Ты останешься и будешь бороться за жизнь вместе с нами, да? — спросила она.

— Нет, — сказал Крейг.

— Подумай, парнишка, что ты говоришь! — сказал Барим, с трудом сдерживаясь. — Ведь Красный Зверь тоже может умереть от этой болезни. Наш долг — сделать так, чтобы он умер чистой смертью.

Крейга передернуло. Он выпрямился, сидя на кровати и глядя прямо перед собой.

— Я смешаю кровь Красного Зверя с грязью, — медленно и четко проговорил он. — Я смешаю ее с навозом. Смешаю ее...

Кулак Барима рассек Крейгу губу. Побледневший под своим загаром Охотник смотрел на Крейга, отброшенного ударом на подушку.

— Ты спятил, парень! — прошептал Барим. — Но даже сумасшедший не должен говорить такие вещи!

Крейг собрал последние силы и снова приподнялся. Он облизнул разбитую губу, кровь из которой стекала на пизжаму.

— Это вы все спятили, а не я, — сказал он. — А я умру вне закона, вот как я умру. На острове Бертон.

Встретив ошеломленный взгляд Барима, он добавил:

— Я смешаю кровь...

— Молчать! — крикнул Барим. — Ты уже вне закона. Мои люди скоро придут за тобой, чужак.

Тяжело ступая, Барим вышел из палаты. Милдред Эймс последовала за ним.

— Морденец есть морденец, — вздохнула она на прощание, покачив головой.

Крейг опустил ноги с кровати и одернул свою пропитавшуюся потом пижаму. Комната кружилась и плыла. Улыбка Тоямы была как маяк в тумане.

— Стыдно мне, стыдно. Прости нас, Тояма, — сказал Крейг. — Мы только и умеем, что убивать, убивать, убивать...

— Каждый делает то, что должен делать, — ответил старик. — А смерть списывает все долги. Это и будет наш отдых. Тебе понравится.

— Мои долги и смерть не спишет. И отдыха она мне тоже не даст — разве я могу отдыхать? Ведь я вдруг понял — клянусь Зверем, теперь-то я понял! Я понял, как я любил Мидори Блейк.

— Странная это была девушка. Мы с Хелин знали, что и она тебя любит. Когда мы жили на острове Бертон... — Тояма покачал головой. — Но наши жизни — это щепки в водопаде. Такие дела, Рой.

Скоро пришел Джордан в черном защитном комбинезоне. На его лице застыла презрительная гримаса. Он резко дернул большим пальцем, указывая Крейгу на дверь.

— Вставай, чужак! — резко произнес Джордан. — Пошли!

Крейг пошел за ним, в пижаме и босиком. Откуда-то из глубин больницы раздался крики. Кажется, это Кобб, подумал Крейг. Потом они шли по посадочной площадке. Крейгу казалось, что он под водой и идет по дну моря. Они миновали спасательную ракету, которую как раз заправляли перед стартом. В гравиплане он сел в стороне от остальных. Кобба с ними не было. Раскрасневшийся Уайлд поминутно передергивал плечами; его глаза сверкали лихорадочным блеском. Гравиплан вел Джордан. Все молчали. Крейг и не заметил, как они обогнали солнце, он дремал, и перед ним пронеслись цветные лоскутья снов. Он пришел в себя рано на рассвете, когда гравиплан приземлился на острове Бертон.

Едва держась на ногах, Крейг вышел из гравиплана. В рассветных сумерках танасис покачивался над горами камней и высокой, по пояс человеку, порослью стоял вдоль тропинок. Было сыро. Фитоны, облепившие стволы деревьев, дергали крыльями и сонно попискивали. Глаза Крейга блуждали. Он чувствовал, что здесь его что-то ждет: воспоминания, встреча, исполнение, отдых... Крейг сам не знал, что именно, но чувствовал, что оно близко. Уайлд подошел сзади и толкнул его. Крейг отступил в сторону.

— Эй, чужак! — крикнул Уайлд.

Крейг обернулся и увидел сверкающие нездоровым блеском глаза и лошадиную улыбку Уайлда. Потом лошадиные зубы раздвинулись:

— Я смешаю кровь Мидори Блейк с грязью. Я смешаю ее кровь с навозом. Я...

Тело Роя Крейга вдруг стало сильным и гибким. Он прыгнул и почувствовал, как чужие зубы крошатся под ударом его кулака. Уайлд упал. Остальные морденцы выбрались из гравиплана.

— Право крови! Право крови! — закричал Крейг.

— Право крови! — повторил Уайлд.

Джордан остановил Уилана и Райса. Сила огненной лавой растекалась по жилам Крейга. Уайлд поднялся, сплюнул кровь и сжал свои огромные кулаки. Крейг шагнул ему навстречу, яростный и неустрашимый. Мир вокруг вращался и кренился, мерцал огоньками, хрипел и изрыгал проклятия, а в центре мира бились Крейг и Уайлд, отвечая друг другу ударом на удар. Крейг чувствовал удары, но не ощущал боли. Он слышал треск собственных ребер. И его тело сотрясалось до самых ступней от ударов, которые наносил он сам. Оба то и дело падали на почерневшие камни, их ноги тяжело переступали, руки переплетались и рвали одежду, из глоток вырывалось хрилое дыхание. Потом они стояли на коленях лицом к лицу и осыпали друг друга ударами кулаков и локтей. Потом туман немного рассеялся, и Крейг единственным зрячим глазом увидел Уайлда перед собой на земле, лежавшего, как груда тряпья. Крейг с трудом поднялся на ноги. Он чувствовал себя невесомым; внутри у него было пусто.

— Право крови, чужак, — произнес мрачный Джордан, выжидательно глядя на Крейга.

— Заберите его, — сказал Крейг и двинулся к ущелью. Не обращая внимания на боль в груди, он шел напрямик через густые заросли танасиса. «Домой! Домой! Скоро буду дома!» — колоколом звенело у него в голове. Назад он не оглядывался.

В тенистом ущелье танасис рос не так густо. Крейг услышал звук падающей воды, и, подобно водопаду, на него обрушились воспоминания. Он обернулся к пруду, чтобы взглянуть на водопад, но не удержался на ногах и упал на колени у знакомого валуна. Крейг знал, что она рядом. Он физически ощущал ее присутствие. Она стала этим местом у водопада.

Солнечные лучи прорывались в ущелье. Лучи плясали по прожилкам кварца и вспыхивали радугами в водяной пыли над прудом. Фитоны взлетали с призрачных деревьев и кружились в воздухе еще одной радугой. Какой-то комок застрял в горле у Крейга, и у него перехватило дыхание. Слезы застилали его единственный зрячий глаз.

— Мидори, — произнес он. — Мидори.

Теперь мысль о ней владела Крейгом безраздельно. Его сердце едва не выскакивало из груди. Все слова куда-то ушли. Воздев руки, он стал падать в небо и бессвязно кричать. Потом нахлынула темнота и унесла прочь его невыносимую боль.

Титанические порывы. Набег ветра. Полет звенящей ярости. Соединение во тьме. Терпеливые поиски — снова и снова, триллионы раз. Робкое мерцание огоньков — серебряных, зеленых, золотых, алых.

Затишье. Размягчение. Обретение новой формы.

Мерцающее сознание — всепланетное и микроскопическое. И невозможность связать эти крайности. Поток чувств новорожденного божества, которое жаждет познать себя. Бесконечные и мучительные страдания в поисках бытия.

Наконец возникает форма и вспыхивают цвета. Сполохи отча-

янной радости и невыразимой любви. Приходит зрение... слух...
Мертвая белизна полярных снегов. Пьянящий пряный привкус. Золото солнца на голубой воде. Нежные ароматы ветра. Вторжения горечи. Топот дождя. Серебристо-зеленые спины холмов. Порывы бури. Резкий вкус соли. Спящие горы. Шелест прибоа. Россыпь звезд на бархатной черноте. Кислый привкус и ясность. Прохладные ночные луны.

Знание и любовь.

Цепочка людей в лохмотьях; изможденные, заросшие щетиной лица. Зеленая равнина. Золотое солнце в вышине. Рев. Зверь приближается прыжками, тряся красными космами. Звон тети-вы. Сверкая на солнце, посвистывают стрелы. Вдох полной грудью, крик. Удары копьями. Огромное тело оседает. Судороги. Хлещет кровь. Торжествующие крики, потом — тишина.

Знание и печаль.

Женщина купается. Волосы — как солнечный свет. Мучительная красота,

Любовь, трепет, судороги.

Отдых и ожидание. Созерцание предстоящей бесконечности, ее спокойного великолепия. Только что сотворенный человек. Взрыв радости. Наконец-то он дома!

Пробуждение в свой мир.

Так просыпаются ясным утром, когда позади освежающий сон, а впереди день, который сулит что-то очень радостное. Крейг сидел у корней огромного дерева. Он стряхнул с себя тонкие, как бумага, лоскутки, увидел пруд и услышал шум водопада. С радостными криками к нему бежала Мидори. Он встал и шагнул ей навстречу, сильный и красивый.

— Мидори! Это все уже после смерти?..

Он хотел задать ей миллион вопросов, но первое, что у него вырвалось, было:

— Теперь я никогда не потеряю тебя, Мидори?

— Никогда.

Ее улыбка светилась. Они оба были нагими. Он не чувствовал ни возбуждения, ни стыда.

— Мы не умерли, Рой, — сказала она. — Просто мы стали новыми.

— Эпидемия погубила всех.

— Я знаю. Но мы не умерли.

— Расскажи мне, Мидори, как это было?

Он слушал ее, как ребенок, и всему верил, хотя и не понимал. Где-то в глубинах этого океана жизни, объясняла Мидори, планета фитонов смоделировала человека. Планета расшифровала формулу человека, словно он — гигантская молекула. Биосфера планеты поглотила Крейга и Мидори, очистила их от танасиса и воссоздала заново, сияющими и совершенными.

— Мы теперь неуязвимы для танасиса, — закончила Мидори. — Мы стали новыми, Рой.

Розоватый шрам, оставленный танасисом на щиколотке Крейга, теперь исчез. Исчезли и все другие шрамы на его теле. Он держал Мидори за руки, смотрел на ее совершенное тело и верил всему, что она говорила.

— А мы так долго старались убить эту планету... — сказал он.

— Но она не могла этого понять! Для нее смерть и разложение — один из этапов жизненного процесса. — Мидори улыбалась. — Здесь жизнь никогда не разделялась, Рой. А в единстве жизни — любовь, и ничего, кроме любви.

— Да, любовь все соединяет. Я теперь знаю, что такое любовь.

И он рассказал ей про свои видения.

— Я тоже все это видела. Мы тогда были слиты со всепланетным сознанием.

— А мы по-прежнему будем есть, пить, спать?..

— Глупый Рой! Ну конечно! — Она засмеялась и потянула его за руку. — Пойдем, я тебе покажу.

Держась за руки, они побежали к пруду. Крейгу было больно бежать по острым камням. У пруда деревья сплетались верхушками, как в окружной стене, и образовывали несколько конусообразных «комнат», соединенных между собою проходами. «Комнаты» были сухими и чистыми, и в них царил серебристый полумрак. Когда они вышли наружу, Мидори указала ему на те стволы, которые были покрыты коричневыми наростами. Она сорвала с одного из наростов тонкую пленку и обнажила гроздь плотно прилегающих друг к другу долек. Дольки были перламутрового цвета, каждая размером со сливу. Мидори откусила половину от одной из них, а другую протянула Крейгу.

— Попробуй, — сказала она.

Он попробовал. Долька была прохладной и свежей, с необычным и очень приятным вкусом. Он съел еще несколько, изумленно глядя на Мидори.

— Их тут очень много, — сказала она. — И у каждой свой вкус. Они растут специально для нас.

Он смотрел на Мидори, на это красивое ущелье, залитое чуть загадочным светом. И не выдержал — закрыл глаза и отвернулся.

— Не могу. Я этого недостоин.

— Ты достоин, Рой.

— Нет, Мидори. Ты всегда любила эту планету. А я только и думал, как ее убить. А теперь она подарила мне все это... Я хочу ее любить, но не могу! И никогда не смогу. Я просто не смею!

— Послушай меня, Рой. — Мидори стояла перед ним, но он не открывал глаза. — Жизнь на этой планете с момента своего зарождения обладала неограниченными возможностями. Она овладела окружающей средой, использовав лишь ничтожную часть своего потенциала. И жизнь эта никогда не разделялась, не восставала сама против себя. Но поэтому не было и эволюции. Жизнь здесь как бы спала. И она могла бы спать вечно.

— Но тут явились мы с танасисом, да?

— Да. Мы заставили ее меняться, активизировать генную комбинацию; повысилась температура, и ускорились все процессы. А то, что происходит в одном месте этой планеты, может быть повторено в любом другом, потому что здесь все едино. Для этой планеты один год эволюции — то же самое, что для

Земли миллионы лет. И здешняя жизнь поднялась на новый уровень сознания.

Он почувствовал, как она положила руку ему на плечо, но не открыл глаз.

— Пойми, Рой, — продолжала она, — мы разбудили ее! Теперь она знает и любит нас!

— Любит нас за танасис?!

— И танасис она тоже любит. Своей любовью она победила танасис.

— И меня. Приручила меня. Приласкала. Дрянью такую. Не могу я, Мидори!

— Да нет же, Рой, нет! Теперь она нами думает. Мы биохимические мысли этого странного разума. И любой фитон — тоже мысль. Мне кажется, что мы заставляем здешнюю жизнь концентрировать ее интеллект. Мы для нее — что-то вроде системы символов. Мы стимулируем ее мышление. — Мидори понизила голос; он чувствовал ее тепло и близость. — Понимаешь, Рой, мы — первые ее мысли, которые могут думать сами. Это великая и священная тайна. Только через нас планета фитонов может постичь свою красоту, осознать свои чудеса. Она любит нас. Мы ей нужны. — Мидори прильнула к нему. — Посмотри на меня, Рой!

Крейг открыл глаза и увидел ее улыбку. Он провел рукой по изгибу ее спины, и Мидори задрожала. Крейг крепко обнял ее. Теперь ему было хорошо.

— Да, я люблю эту планету, — сказал он. — В тебе и через тебя.

— Я люблю тебя ее любовью, — прошептала она, уткнувшись ему в плечо.

Ошеломленные тем, что наконец обрели друг друга, они пошли к морю, взявшись за руки. Потом стояли на искрящемся песке, и холодная вода плескалась у их ног.

— Рой, ты можешь себе представить, что мы никогда не заболеем и не состаримся? И никогда не умрем...

Он зарылся лицом в ее волосы.

— «Никогда» — это же страшно долго! — сказал он.

— Если мы устанем, — улынулась она, — то сможем раствориться во всепланетном сознании. Ведь это же не смерть!

— И здесь будут жить наши дети.

— И их дети — тоже.

— И ведь теперь эта планета могла бы спасти каждого, верно? — спокойно спросил он.

— Да. И стариков, и больных. Здесь бы они нашли вечную молодость и здоровье.

— Но там, на орбите, — он посмотрел в голубизну небесного купола, — там крутится ракета и предупреждает всех, что эта планета смертельно опасна. Если бы только люди узнали...

— ...что для них главная опасность — это они сами!

— Когда-нибудь узнают.

Перевел с английского Андрей ГРАФОВ

РИЧАРД МАККЕННА — американский писатель. Родился в 1913 году. 22 года прослужил на флоте. Уйдя в отставку, поступил в университет Северной Каролины. Получил ученую степень в области английской филологии. Автор нескольких сборников фангастики.